

Брюнетка в клетку

Автор:

Галина Куликова

Брюнетка в клетку

Галина Михайловна Куликова

Изыскный детектив от Галины Куликовой

Кто бы мог подумать, что модный клетчатый костюм способен стать причиной больших несчастий! Именно он оказался виновен в том, что безвредную переводчицу Ларису Куприянову перепутали в столичном аэропорту с крутой суперагентшей, вызванной для выполнения опасной миссии. Лариса не сразу сообразила, в чем дело. Подписывая контракт, она полагала, что ей предстоит сопровождать ирландского профессора-лингвиста в его поездках по Москве. Но – о ужас! Вместо этого ей поручают совсем иное дело. Предстоит держать под неусыпным наблюдением мелкого афериста, пройдоху и красавчика Антона Жидкова. Однако задача не из легких! Не дать ему связаться с бывшей любовницей Мариной. Перехватить бесценную посылку, которую Марина должна переслать из Японии в Россию. Дело осложняется двумя обстоятельствами – таинственным убийством в семье Жидкова и отсутствием какого-либо опыта оперативной работы у агентши-самозванки...

Галина Куликова

Брюнетка в клетку

Глава 1

Она должна быть одета в клетчатый костюм. Багаж – темно-синяя сумка на колесиках и зонт в виде трости. Самолет приземлился вовремя, и вышеозначенная особа действительно появилась вместе с первой группой пассажиров. Корабельников ожидал увидеть коротко стриженную брюнетку с пронзительным взглядом и спортивной фигурой – именно такой ему представлялась женщина, занимающаяся мужской работой.

Она выглядела иначе. Средний рост, банальные русые волосы, собранные в пучок, нос вздернут. Лет тридцать, вид чопорный.

– Лариса? – спросил Корабельников, шагнув вперед.

В любой толчее он чувствовал себя как рыба в воде. Вот и теперь оказался ближе всех к проходу, по которому шли пассажиры только что приземлившегося самолета.

– Да, Лариса, – ответила женщина и посмотрела на него серыми глазами. – Это вы меня встречаете?

– Как видите, – хмыкнул он. – Встречаю. У вас очень примечательный... костюм. А у меня совершенно нет времени. Так что шагайте быстрее.

Он не взял у нее сумку и даже не придержал дверь – вышел наружу и направился к светлой «Волге» на стоянке. Женщина медлила всего секунду, после чего торопливо последовала за ним. По сторонам она не смотрела и поэтому не обратила внимания на полного мужчину, который в этот момент как раз нагнулся за оброненным носовым платком. В руках мужчина держал плакатик: «Лариса Куприянова». Но, к сожалению, наклонившись, он опустил плакатик вниз, и Лариса его не заметила.

Она видела перед собой только спину Корабельникова, за которой следовала, словно за путеводной звездой, не глядя себе под ноги. Пока он хлопотал возле автомобиля, она подошла, отдуваясь и тяжело дыша. В Москве жарко, а ее костюм рассчитан на более прохладную погоду, но ей даже в голову не пришло снять пиджак. Деловые разговоры лучше вести при полном параде.

– Садитесь, – велел Корабельников, уложив ее вещи в багажник.

Она влезла в салон и сказала, похлопав рукой по сиденью:

- Хорошая машина.

- Вы считаете? - пробормотал тот, переломив бровь.

- На сколько дней рассчитана программа?

- Подождите, - поморщился Корабельников, достал мобильный телефон и отключил его, пояснив: - Иначе нам не дадут поговорить. Хотите кофе?

- Вы возите с собой термос? - удивилась она.

- Да нет, я предлагаю вам отправиться в какую-нибудь кофейню и обсудить все вопросы в уютной обстановке.

- Ладно, - согласилась Лариса, пожав плечами. - Кофейня так кофейня.

Корабельникову она казалась какой-то странной. Она, черт побери, обманула его ожидания! Однако его давний друг Эдик, которому он всецело доверял, дал ей отличные рекомендации.

Лариса понятия не имела, что у этого человека на уме. Ее вызвала из отпуска начальница, сообщив, что появилась возможность хорошо заработать. Ирландец, профессор лингвистики, индивидуальный тур. Две недели его нужно опекать, консультировать, сопровождать на научные семинары. Боже, как интересно! Они обсудят проблему классификации диалектов Коннахта, поговорят о популяризации кайдона...

- Правда, домой ты заехать не успеешь, - посожалела начальница. - Но у тебя с собой чемодан, так что никаких проблем, верно? В аэропорту тебя встретит менеджер из турагентства. На всякий случай смотри на плакаты в руках встречающих. Я бы сама подъехала, но Хламовников опять сел на больничный...

Если бы не грипп, поразивший хлипкого Хламовникова, ничего бы не произошло. Начальница, чей темперамент превышал все допустимые нормы, ураганом налетела бы на аэропорт и подхватила Ларису на выходе. Будь у них в запасе

день, Лариса отправилась бы домой, а уже оттуда в турагентство. И никаких недоразумений! Вместо этого она попала в руки типа, который даже не посчитал нужным ей представиться.

Судя по всему, они ровесники. Однако глаза у него такие умные и утомленные жизнью, точно ему лет сто. Тощий и гибкий, со стороны он напоминал бездомного кота – драчуна и пролазу.

В ресторанчике, куда он ее привез, былолюдно и изрядно накурено.

– Садитесь сюда, – приказал тип, подтолкнув ее к столику в самом темном углу.

Заторможенная официантка принесла меню и осталась ожидать заказа, приглаживая волосы и оправляя платье, словно только что поднялась с постели. Лариса открыла меню и уставилась в него, с трудом заставив себя сосредоточиться.

– Держите, – сказал Корабельников, когда официантка ушла, приняв заказ. Достал из внутреннего кармана пиджака конверт, положил его на стол и двинул по направлению к Ларисе. – Аванс и оплата расходов на десять дней.

– Надеюсь, вы не изменили сумму? – уточнила та, желая казаться деловой и опытной. – Платите, как обещали?

– Естественно. Кстати, распишитесь.

Он достал ручку и два экземпляра договора, составленных на бланке фирмы, называвшейся «Бюро Корабельникова». Внизу стояла аккуратная подпись директора бюро и круглая печать. Поскольку тип смотрел на нее не мигая, Лариса разнервничалась и подмахнула бумаги не глядя. (В конце концов, ее начальница уже все обговорила!) Отодвинула их от себя и спросила:

– А как вас зовут?

– Что? – удивился Корабельников, не ожидавший столь «личного» вопроса.

– Как к вам обращаться? – изменила формулировку Лариса.

– М-м-м. Зовите меня Игорем.

– Ладно... Игорь. Так что там с программой?

– Подождите минуту, – попросил Корабельников, оживил свой мобильный нажатием нескольких кнопок и пояснил: – Позвоню на службу, узнаю, нет ли чего срочного. Потом мы побеседуем более подробно. Вы можете пока попудрить нос.

Лариса взяла со стола конверт, положила его в сумочку и удалилась в дамскую комнату. Здесь никого не было, и она немедленно проверила, сколько денег ей выдали. И обмерла. Денег было много. Чудовищно много. Пожалуй, никогда в своей жизни она не держала в руках такой суммы. Что это значит?! Даже если все десять дней она будет катать ирландского профессора на лимузине и кормить его на завтрак, обед и ужин уткой по-пекински, ей и половины суммы не потратить! В этот вопрос следовало немедленно внести ясность.

Между тем брюнетка в клетчатом костюме, с небольшой темно-синей сумкой и зонтом-тростью звонила по телефону. В аэропорту ее никто не встретил, и это было странно. Впрочем, чувства на ее лице не отражались. Единственное, что она себе позволяла, – нетерпеливо постукивать ногой по полу.

Мобильный заказчика оказался выключен, а в его офисе ничего определенного сказать не смогли, попросив перезвонить позже. Как только Корабельников связался с помощником, тот сразу же поинтересовался:

– Что у тебя там с наемным агентом? Какие-то проблемы?

– Все нормально, агента я встретил в аэропорту. Как раз сейчас проговариваем детали. Я на полчаса отключусь, о'кей?

Когда брюнетка позвонила в офис во второй раз, помощник велел ей катиться ко всем чертям. Это не лезло ни в какие ворота! Да, она еще не заключила контракт, но, если отпала надобность в ее услугах, можно было решить вопрос цивилизованно, а не так... От телефона-автомата она отскочила бледная и злая. Огляделась по сторонам – люди куда-то спешили, оживленно переговаривались, тащили за собой чемоданы. А ей-то что теперь делать?

Жуликоватый тип по имени Жора, сидевший в кафе неподалеку от Ларисы и Корабельникова, с мечтательным видом потягивал коктейль. Казалось, он всецело поглощен собственными мыслями. На самом деле Жора внимательнейшим образом наблюдал за парой по соседству. Наблюдал и слушал. Когда дамочка удалилась в сторону туалета, ее спутник принялся названивать по телефону. В кафе как раз пустили музыку через два динамика, и ему пришлось выйти на улицу.

Жора привстал, чтобы поглядеть, куда он делся. Мужчина подошел к светлой «Волге» и плюхнулся на переднее сиденье, продолжая оживленные переговоры. Через некоторое время дамочка вновь появилась в зале и двинулась к столику. Выражение лица у нее было странным – взволнованным и одновременно недоверчивым. В мозгах у Жоры щелкнуло. Он быстро встал, приблизился к ней сзади и постучал согнутым пальцем по плечу.

– Здравствуйте, – сказал он, сделав вид, что запыхался. – Знаете, Игорь просил вернуть ему деньги. Он в своей «Волге», через пять минут подойдет и все объяснит. Вышла кой-какая неувязка.

Жора понятия не имел, как зовут девицу, и внутри у него все замирало, словно он на гигантских качелях сначала взмыл под облака, а теперь летел вниз.

Позже Лариса так и не смогла объяснить, почему отдала ему конверт. Вероятно, потому, что сразу почувствовала: денег слишком много, они предназначены не для нее. А этот тип так и сказал – произошла неувязка.

Она достала из сумочки конверт и протянула ему, пролепетав:

– Да-да, конечно. Я все понимаю.

Жора исчез из ресторанчика со скоростью звездолета, нырнувшего в гиперпространство. Впрочем, Лариса даже не проследила за ним взглядом. Ей было здорово не по себе. Как раз принесли еду, и она с облегчением схватилась за вилку. Съела первый кусочек, и тут в зал возвратился Корабельников.

– Ну-с, – сказал он, подходя и усаживаясь на свой стул. – Со звонками я покончил, можем, наконец, обсудить детали вашей миссии. На чем мы остановились? А, мы

ведь еще даже не начинали! Вы не возражаете, если я буду жевать и одновременно вводить вас в курс дела? У нас действительно мало времени.

В груди у Ларисы стало так горячо, словно ей на сердце плеснули раскаленное масло.

- Деньги... - начала она хрипло, но ее голос сломался от ужаса.

Дикими глазами она обвела зал ресторана, но никакого Жоры, естественно, не увидела.

- Это деньги на десять дней плюс аванс, - продолжал Корабельников, по-своему расценив ее реплику. - Клиент щедр до безобразия. Если вы выполните задание, получите оговоренное вознаграждение.

Вознаграждение? Оговоренное? Лариса все отчетливее понимала, что попала в историю. Боже, она всего лишь переводчик! Никогда, никогда не связывалась она с сомнительными людьми и сейчас не желает. Надо все объяснить немедленно... Но деньги! Этот человек потребует их назад. Такая сумма! Где она ее возьмет?!

Лариса впилась в Корабельникова взглядом и наткнулась на базальтовую стену. Он улыбался, но глаза у него были холодными.

- Что-то не так?

- Все так, - выдавила из себя Лариса, и тут в сумочке зазвонил ее телефон. Она полезла за ним, уронив при этом на пол кусок хлеба, салфетку и нож.

- Лара, ну как? - поинтересовалась начальница обычным всполошенным тоном. - Встретилась с менеджером?

Лариса низко наклонила голову и сказала приглушенным голосом:

- Кажется, мы разминулись.

- Что значит - кажется? - опешила та. - Или встретилась - или нет, Лара!

- Видишь ли, я его... не заметила.

- Лара, что происходит?! Ты где?

- Извините, - сказала Лариса своему спутнику и, поднявшись из-за стола, посеменила в туалет, прижимая трубку к уху.

Обычно Корабельникову нравилось, когда женщины надевали туфли на высоких каблуках. Но конкретно эта женщина отчего-то вызвала в нем глухое раздражение. Возможно, потому, что он с самого начала не проникся к ней доверием.

Захлопнув за собой дверь, Лариса заперлась в кабинке и, согнувшись пополам, чтобы унять ужас, скрутивший живот, громким шепотом сообщила:

- Тамара, я попала на деньги!

- Да ладно, еще не все потеряно, - оптимистично заявила начальница. - Я созвонюсь с турагентством и передоговорюсь. Бывают же форс-мажорные обстоятельства, верно? Так что профессор в любом случае будет твой.

- Тамара, дело не в профессоре, - простонала Лариса. - У меня украли большую... нет, гигантскую сумму... А это были чужие деньги! И я ни за что не смогу их отдать. Ни за что! Я за год не заработаю!

Она сбивчиво рассказала о том, что произошло, перемежая рассказ всхлипами и хрюканьем в платок, который ей удалось выудить из сумочки. Начальница не стала ее утешать.

- Лара, ты ведь в курсе, что из-за проблем с арендой наличных денег у меня нет. Даже не знаю, чем тебе помочь. Возможно, мы коллективно и насобираем некоторое количество долларов...

Лариса в ту же секунду представила, как она возвращается за столик и начинает объяснять Корабельникову, что произошла ошибка. Что она вовсе не та Лариса, которая ему нужна. Господи, он даже не назвал ее по фамилии... Конечно, он потребует деньги назад! И что она скажет?! Что отдала их

незнакомому человеку? Как раз в те самые пять минут, когда он отсутствовал? Он ей ни за что не поверит. В самом деле – разве можно поверить, что на свете существуют такие дуры! Он решит, что конверт она припрятала или передала сообщнику. Ее отвезут в милицию... Или разберутся по-своему...

– Тамара! – Лариса перестала рыдать и в последний раз громко втянула в себя воздух. – Тамара, я подписала договор, поэтому у меня не осталось выбора.

– Ты с ума сошла! А ирландец?! Как я теперь буду выкручиваться?!

– Позвони в турагентство, разузнай, где он сейчас. Я постараюсь что-нибудь придумать. Как-то совместить... Но мне в любом случае придется отработать эти деньги.

– Лара, ты сумасшедшая! Как ты будешь их отрабатывать?!

– Понятия не имею.

– Вдруг этот денежный мешок попросит тебя кого-нибудь убить?!

– Вот я сейчас пойду и узнаю. Жди моего звонка.

Она сунула телефон в сумочку и, сполоснув покрасневшую физиономию холодной водой, отправилась в зал.

– Ничего не понял, – встретил ее сердитым взглядом Корабельников. – Я ведь предупредил, что мы спешим.

– Вы тоже уходили разговаривать по телефону, – возразила Лариса, изо всех сил стараясь держаться храбро.

Но, вероятно, для воспитания мужества необходим более длительный срок. Ей было страшно до тошноты.

– Итак, – сказала она, чтобы не растягивать пытку. – Чем вы вообще занимаетесь?

– Всем, – охотно ответил Корабельников. – На отечественном рынке наше бюро – так сказать, ноу-хау. Идем вслед за буржуями. У них таких фирм тоже еще не много, но они популярны. Мы оказываем услуги. Любые услуги, – с удовольствием подчеркнул он. – Если вы хотите, чтобы мы гуляли с вашей собакой, стоит только заплатить. Агент может читать вам на ночь сказки, или сопровождать в ресторан, или звонить по телефону, чтобы вы не пропустили время приема лекарств, проветривать ваши шубы и петь с вами дуэтом. Мы можем все! Устроить вертолетную прогулку, организовать концерт группы «Модерн Токинг», составить родословную или отыскать вашу потерявшуюся бабушку.

– Сколько же народа на вас работает? – опешила Лариса.

– Мы находим нужных людей на стороне и заключаем с ними контракты. Как с вами, например. – Корабельников отсалютовал ей чашечкой кофе. – Связи – вот что имеет цену. Итак, познавательная часть беседы закончена, приступаем к делу.

Лариса сидела прямо, с гордо поднятой головой, внутренне же вся сжалась в крохотный комочек. Что, если она должна будет оказывать какие-нибудь... неприличные услуги? По правде сказать, это было первым, что пришло ей в голову. Раз уж навалились неприятности!

– Слушайте и мотайте на ус. Фамилия нашего клиента – Броварник.

Корабельников наклонился вперед, приблизив к ней свою выразительную физиономию с резко очерченными скулами. Лариса против воли заметила, что глаза у него густо-синие. Встретилась с ним взглядом, моргнула и поспешно уточнила:

– А имя?

– Николай Анатольевич. Он довольно богат, но не выпячивает это обстоятельство. Для нас важно не то, чем он занимается, а как проводит досуг. Броварник – коллекционер. К настоящему моменту он собрал приличную коллекцию вещей, принадлежавших знаменитостям. Среди всего прочего у него есть текст песни «Killer Queen», написанный собственноручно Фредди Меркьюри.

«С ума сойти!» – хотела воскликнуть Лариса, но усилием воли сдержалась, сосредоточившись на губах Корабельникова.

– Вернее, был. – Его губы сложились в усмешку. – Недавно автограф исчез. Вместе с женой Броварника Кариной. Некоторое время назад дамочка позвонила мужу и сообщила, что оставила его навсегда и надеется, что в ближайшее время он оформит развод. После ее звонка Броварник и обратился к нам.

– С целью?

– Он желает вернуть свое сокровище.

– Которое? – на всякий случай уточнила Лариса.

– Автограф, естественно. Он готов заплатить за него большие деньги. Только нам, а не своей жене. Жена не получит ни копейки.

– Как я понимаю, необходимо найти Карину и... выкрасть драгоценную бумажку? – спросила Лариса. – Выманить? Отнять?

Невыносимо хотелось знать, что ей предстоит. Вдруг настоящая Лариса – специалист по вскрытию сейфов? Или профессиональная прорицательница? Или снайпер, черт побери!

– Карину мы уже нашли, – успокоил ее Корабельников. – Понятное дело, она убежала с мужчиной. Как это ни прискорбно, за границу – в Японию.

– Влюбилась в японца?

– Представьте себе. Автограф Меркьюри она прихватила не с бухты-барахты. Недавно на аукционе Christie's без малого за полмиллиона долларов был продан рукописный текст слов к песне «Now here Man», написанный Джоном Ленноном. Об этом сообщали газеты всего мира. Умненькая Карина, конечно, намотала это на ус, решив, что автограф Меркьюри тоже стоит немало. И немедленно сообразила, как поправить свои финансовые дела. Друг Броварника, коллекционер Никита Сапрыгин, давно хотел завладеть автографом. Карина пообещала продать ему вождеденную вещь за хорошую сумму, если сделка

останется в тайне.

- Для этого она собирается вернуться в Россию? Или, может быть, Сапрыгин отправится в Японию?

- Ни то, ни другое. Мы провели расследование и вышли на сестру Карины, которой многое известно. Она и продала нам нужную информацию.

- Предала сестру?

- Она всегда ей завидовала. Она – дурнушка, а Карина – красавица. Совершенно неожиданно у сестрицы появилась возможность отомстить. Слушайте, не отвлекайте меня!

- Не буду, не буду.

- Сделка состоится в ближайшие десять дней здесь, в Москве. Однако Карина не придет. Она действует через посредника – своего бывшего любовника Антона Жидкова. Прелюбопытный тип, доложу я вам! Пройдоха, каких мало. Полное отсутствие моральных принципов. Он в прошлом танцовщик, а в настоящий момент – человек без определенных занятий. Именно Жидков должен вступить с покупателем в контакт. Он передаст Сапрыгину автограф и получит на руки деньги.

- Карина ему доверяет?

- Целиком и полностью. Судя по всему, они уже проворачивали вместе денежные аферы. Но то были мелочи, а эта сделка сулит им довольно крупные барыши.

- Получается, бумагу придется отбирать у афериста?

- Сейчас я все объясню. Жидков – большой любитель женского пола. – Лариса замерла. – В связях чертовски разборчив. Все его дамочки – высший класс. Так вот. Недавно этот герой-любовник совершил фантастическую глупость.

- Какую?

– Примерил шапку не по Сеньке. Связался с женщиной, с которой связываться не следовало. Мы поработали в этом направлении, раздобыли компромат и предъявили ему.

– И что? – заинтересовалась Лариса. – Он испугался?

– Конечно. Если об этой его интрижке станет известно мужу дамы, Жидкову несдобровать. Его просто пристрелят, и весь разговор. Короче, он согласился с нами сотрудничать. Со скрипом, но согласился. Под давлением обстоятельств, так сказать. Он отдаст нам экспонат коллекции Броварника, а Карине скажет, что люди ее бывшего мужа напали на него и совершили разбой. Она поверит! Потому что Броварник – мужик серьезный. Плюсом для нас в этом деле является то, что в целях конспирации Карина и Жидков не общаются напрямую. То есть он не свяжется с ней через Интернет, и не позвонит в Японию, и не напишет письма. Они достигли договоренности и оборвали контакты. Теперь он просто ждет посылку.

– А если вдруг что произойдет? – удивилась Лариса. – Жидков – всего лишь человек, мало ли что с ним может случиться за эти десять дней!

– Вероятно, в этом случае курьер отвезет посылку обратно.

Лариса вздохнула. Пока сообразишь, чего от нее хотят, поседеешь!

– Я правильно поняла? Вещь из коллекции Броварника должна пройти через руки Жидкова. И он отдаст ее в обмен на компромат.

– Обещал отдать! – поднял палец Корабельников. – Но поскольку Жидков – тот еще фрукт, доверять ему нельзя. Десять дней он будет находиться под присмотром.

– Понятно.

– Присматривать за ним будете вы.

– Я?!

Корабельников воззрился на нее:

- Что вас так удивляет?

Глаза Ларисы забегали по столу, перепрыгивая через солонку – туда и обратно. Действительно, что ее так удивляет? Она с самого начала поняла, что за такие деньги от нее потребуются не пустяковина, а что-то более существенное. Но каким образом она сможет целых десять дней следить за ловеласом и пройдохой – как он там сказал? – без всяких моральных принципов? Одна?

- Но Жидков ведь не будет с утра до ночи ходить по улицам, – возразила она наконец. – Наверняка есть места, куда мне не удастся проникнуть вслед за ним. Например, мужской туалет! Не лучше ли было приставить к нему мужчину?

- Во-первых, Жидков согласился с нами сотрудничать и не бегать от наблюдателя. И потом: подумайте сами, – укорил ее Корабельников. – Объяснить окружающим постоянное присутствие рядом с собой мужчины довольно сложно. Присутствие женщины даже объяснять не нужно. Особенно такому волоките, как Жидков. Вы выступите в роли его новой подруги, это будет выглядеть правдоподобно.

- О! – сказала Лариса с неопределенной интонацией.

- Это ваше дело, как построить с ним отношения, – продолжал Корабельников. – Можете держать его в страхе – если получится, конечно. Можете быть ласковой и нежной, даже подарить ему свое расположение. Главное – не прозевать момент, когда ему передадут бумагу.

- А ее точно передадут?

- Я полагаю, что Карина отправит ее с курьером. Возможно даже, с непосвященным курьером. Какая-нибудь студентка подарит Жидкову фотоальбом с видами Токио. Или кулинарную книгу. В общем, что-нибудь в этом роде. Сами сообразите, когда придет время.

- Значит, мне нужно быть рядом с ним постоянно?

– Днем и ночью, – кивнул Корабельников. – Я на вас полагаюсь. Эдик сказал: вы не подведете. Вы ведь понимаете, какие деньги стоят на кону? Я хочу угодить Броварнику – серьезные клиенты на дороге не валяются. Надеюсь, вы не подведете.

Лариса широко улыбнулась и с чувством ответила:

– Еще бы!

Она не подведет, это точно. Вот, например, недавно нужно было за два дня перевести на английский сложный научный доклад по микробиологии. И ничего – перевела. Правда, доклад не бегал по городу, а спокойно лежал на столе под лампой.

– Тогда едем, – поднялся с места Корабельников, на ходу приложив к счету несколько купюр. – В расходах вы не ограничены, так что можете следовать за клиентом куда угодно.

Лариса непроизвольно втянула голову в плечи. На душе у нее было скверно. Вероятно, именно так чувствовал себя Киса Воробьянинов, промотавший деньги перед аукционом.

– Скажите, – отважилась спросить она на всякий случай. Просто для очистки совести. – Когда вы ненадолго отлучались из ресторана, вы никого ко мне не посылали?

– К вам? – Корабельников остановился и поглядел на нее внимательно. – Что вы имеете в виду?

– Ну... Со мной хотел познакомиться какой-то молодой человек. Он подошел к нашему столику и заговорил...

– А почему вы решили, что он имеет ко мне какое-то отношение?

– Я просто спросила, – пробормотала Лариса.

Корабельников хмыкнул. Нет, эта девица совсем не похожа на человека, способного укрощать мужчин. Однако придется ей довериться – другого выхода нет. В своем клетчатом костюмчике, в туфлях-лодочках и с пучком на затылке она напоминала ему учительницу немецкого, которая в благословенные школьные годы в бешенстве стучала указкой по парте, когда он путал времена глаголов.

Усевшись за руль своей «Волги», Корабельников включил мобильный телефон, который немедленно зазвонил. Как только разговор завершился, телефон зазвонил опять. И опять. Так что всю дорогу Лариса была предоставлена сама себе. Желудок сжался до размеров грецкого ореха, как будто она ехала к дантисту удалять зуб.

– Мы на месте, – сообщил наконец Корабельников. Его левое ухо от долгого прижимания трубки плечом сделалось малиновым. Это выглядело забавным, но Лариса даже не усмехнулась.

Автомобиль замер перед огромным домом с высокими окнами и шлагбаумом перед въездом на стоянку. Возле будочки ходил важный охранник и смотрел на прохожих сурово, точно они в чем-то были перед ним виноваты.

– Как же так? – удивилась Лариса, задрала голову и обзрев здание. – Жидков ничем не занимается, а живет в такой красоте!

– Я же не говорил, что у него нет средств. Всего лишь заметил, что сейчас он не работает. Этот парень успел кое-что скопить, когда был молод и востребован. Деньги вложены в мини-пекарни – неплохой доход. Кстати, финансовыми вопросами занимается не он сам, а его мать.

– А вы уверены, что он все еще не получил посылочку от Карины? Может быть, пока вы меня встречали...

– С ним остался мой человек, не волнуйтесь.

– Я и не волнуюсь, – пробормотала Лариса, хотя руки у нее мелко тряслись, и, чтобы унять дрожь, пришлось вцепиться в сумочку.

– Ах да! Чуть не забыл, – вспомнил Корабельников и извлек из «бардачка» белый пластиковый пузырек. – Это снотворное.

– Но я не нуждаюсь в снотворном! – запротестовала Лариса.

– Еще как нуждаетесь. Вы ведь не можете караулить Жидкова круглые сутки. Вам нужно отдыхать, верно? Одной таблетки хватит для того, чтобы он проспал всю ночь без сновидений.

– Я должна подсыпать ему в пищу снотворное?! Я не могу!

– Тогда размешивайте его в чае.

Корабельников извлек из машины ее багаж и потащил к подъезду. Лариса поплелась за ним. Лифт – чистый, без «народных» надписей возле кнопок – вознес их на десятый этаж и мягко толкнул, остановившись. Через минуту они уже стояли возле неприступной на вид двери. Корабельников нажал на кнопку звонка и, не поворачиваясь к Ларисе, предупредил:

– Учтите: этот тип попытается подкупить вас обаянием.

– Я не подкуплюсь, – пообещала она, и тут дверь распахнулась.

Лариса была готова к тому, что сейчас увидит сублильного юношу с томными глазами. Однако ее взору предстал мужчина лет сорока – высокий, сильный и грациозный. Красавец, естественно, – ловеласы и пройдохи все как на подбор. Если Корабельников был похож всего лишь на кота, то Жидков – на тигра. Даже глаза у него оказались светло-коричневыми, почти желтыми. Прямые светлые волосы закрывали воротничок белой рубашки, расстегнутой до самого пояса.

– Салют! – поздоровался он. – А я так надеялся, что вы не приедете. Какой-нибудь лихач за рулем – скрежет металла, огонь, ужас в глазах прохожих... – И отступил в сторону, давая дорогу. – Прошу. Будьте как дома, чего уж там.

Лариса зыркнула на него и увидела, как сверкнули в улыбке ровные зубы. Корабельников не обратил внимания на его идиотскую шуточку или сделал вид, что не обратил. Они вошли в просторную прихожую и остановились.

- Вот наш агент, - сообщил Корабельников и рукой указал на Ларису, как будто бы ее можно было спутать с зонтом или дорожной сумкой.

От волнения в горле у новоиспеченного агента пересохло.

- Лариса, - представилась она басистым голосом призрака, вышедшего поугасть новых обитателей замка.

- А я Антон, - игриво сообщил Жидков, наклонив голову.

- Она в курсе, - успокоил Корабельников. - А где моя помощница?

- Я здесь, - отозвалась невидимая помощница, и через минуту в коридоре появилась здоровенная тетка в спортивном костюме.

- Здравствуйте, - пробормотала Лариса.

Тетка в ответ кивнула. На ее физиономии читалась растерянность, сдобренная свекольным румянцем. Вероятно, Жидков умел находить нужные струнки в душах женщин любых габаритов.

- Мы можем ехать, Антонина, - заявил Корабельников. - Я привез замену.

- Угу, - сказала тетка, ни на кого не глядя, и начала обуваться.

- Спасибо за приятное утро, - поблагодарил Жидков, обращаясь к ее спине.

Антонина промычала нечто нечленораздельное.

- Не за что, - откликнулся вместо нее Корабельников. - В общем, все договоренности остаются в силе. И пожалуйста, - он требовательно посмотрел на хозяина квартиры, - не чините Ларисе препятствий.

Жидков всплеснул руками:

- Как я могу? Вы же меня... э-э-э... прижали? Так надо говорить, да?

И он рассмеялся, откинув назад голову. Рубашка разошлась на бронзовой груди, и Лариса стыдливо отвела глаза. С тех самых пор, как ушел муж, у нее не было романтических приключений. Муж сбежал к девушке, которая торговала галстуками в итальянском магазине. Теперь мужчины в дорогих галстуках вызывали у Ларисы законное недоверие. Вообще все мужчины вызывали недоверие, особенно такие красавчики, как Жидков.

На прощание Корабельников сунул Ларисе в руки визитку с контактными телефонами, после чего вытолкнул неповоротливую Антонину за дверь. Замок щелкнул, и наступила тишина.

- Если уж иметь тюремщицу, то именно такую, как вы! - с пафосом сказал Жидков Ларисе, когда они остались один на один.

- Я польщена, - ответила та, прикидывая, как ловчее управиться со снотворным. Вероятно, скормить таблетку этому парню будет не так-то просто.

- Ну что ж, пойдете, я покажу вам вашу комнату.

- Ничего не выйдет, - заявила Лариса, не двигаясь с места.

- Что не выйдет? - Жидков обернулся к ней, и в его желтых глазах появилось неподдельное любопытство.

- Мы с вами будем жить в одной комнате.

- Ну да!

- Да.

Лариса старалась выглядеть непреклонной. Несмотря на панику, терзавшую ее всю дорогу, она все-таки успела составить некий план действий. Если бы не профессор лингвистики... Надо будет позвонить Тамаре и узнать, смогла ли она найти для него сопровождающего. Проваленной работы было жаль до слез. Впрочем, плакать тут, в присутствии столь опасного типа, казалось неосмотрительным, и Лариса постаралась унять чувства.

Кто знает, на что способен мелкий аферист, прижатый к стене? Что, если он поддастся порыву и совершит физическое насилие? Например, запрет свою надзирательницу в ванной комнате и заморит голодом. Или как бы случайно ошпарит ее крутым кипятком, отвезет в «Склиф» и сдаст врачам. Лариса понимала, что Жидков вполне мог разработать собственный план для того, чтобы выйти из-под наблюдения. Расслабляться нельзя ни в коем случае! Но главным оружием он наверняка считает собственную неотразимость. И вскоре начнет делать пышные комплименты, попытается усыпить бдительность...

– С какой стороны кровати вы спите? – спросил Жидков, проведя ее в гостиную. – Хотите посмотреть спальню?

– Чуть позже. – Лариса не знала, куда деть руки, и в конце концов сложила их на груди. Потом сделала глубокий вдох и сказала: – Ну, вот что. Нам нужно договориться.

– Давайте! – согласился Жидков, развалившись на диване и вытянув ноги. – Собираетесь зачитать мне мои права и обязанности?

– Мы должны относиться друг к другу с уважением.

– Я зауважал вас сразу, как только увидел.

Он паясничал и получал от этого огромное удовольствие. Лариса надеялась, что он не будет всерьез к ней приставать, потому что не владела ни одним приемом самозащиты. Хотя Корабельников наверняка предполагал обратное.

– Я буду слушать все ваши телефонные разговоры, – предупредила она.

– Уверяю вас, вы узнаете массу интересного!

– Меня волнует только то, что касается дела.

– Надеюсь, когда мы познакомимся поближе, вы измените свою позицию.

Его ернический тон неожиданно стал проникновенным, и Лариса напряглась: вот оно, начинается. Надо держать ушки на макушке. Может, напоить его

снотворным загодя? Или вообще давать таблетки непрерывно – пусть спит себе всю декаду. А она будет сидеть рядом и читать книжки.

– Я бы выпила чашечку чая, – обратилась она к Жидкову.

– Вам прямо сюда принести? Или пойдём на кухню? – уточнил он.

Ответить она не успела, потому что раздался звонок в дверь.

– Проблема! – воскликнул Жидков, стремительно поднимаясь с места. – Что, если пришла какая-нибудь из моих цыпочек?

– Извините, но отныне вашей цыпочкой буду я, – твердо сказала Лариса.

Ей и в страшном сне не могло присниться, что когда-нибудь она станет разговаривать с практически незнакомым мужчиной подобным образом.

– Звучит интригующе. Кстати, можно открыть? Или вы сами?

– Нет, вы. Но учтите – я буду рядом.

– Как приятно, – пробормотал Жидков, направляясь в прихожую. И крикнул, не доходя до двери: – Кто там? Это ты, Люся? Нет? А, мама! – Он обернулся к Ларисе и радостно сообщил: – Это моя мамочка. – Лариса отступила на два шага. – Не волнуйтесь, вы ей наверняка понравитесь. До сих пор она не встречала в моей квартире полностью одетых женщин.

Жидков распахнул дверь, и в прихожую вплыла высокая зрелая красавица.

– Привет, милый! – сказала она и поцеловала Жидкова в поспешно подставленную щеку. – Я к тебе по важному делу.

– А почему ты не позвонила?

– В нашей семье произошла трагедия. В таких случаях родственники не звонят друг другу, а сразу приезжают.

– Познакомься, мама, это Лариса.

– Маргарита, – коротко сообщила блондинка и вновь повернулась к сыну. – Тебя что, совсем не взволновало мое сообщение?

Она была крикливо одета и, судя по манере держаться, все еще чувствовала себя молоденькой. На Ларису она больше не обращала никакого внимания. Вероятно, в своей жизни она перевидала великое множество таких Ларис, и в ее представлении они были все равно что хомяки, которых ее сынок в школьные годы держал в коробке из-под торта. Удивительно, что она вообще потрудились поздороваться.

– Мы как раз собирались пить чай, – заметил Жидков. – Присоединяйся к нам, мама, заодно расскажешь о трагедии.

Было ясно, что он не проникся важностью момента.

– «Заодно»! – фыркнула Маргарита. – Ты жестокий человек, Антон.

Войдя в просторную кухню, она уселась во главе стола, предоставив сыну себя обслуживать.

– Лара, ты тоже присаживайся, – сказал Жидков с ярко выраженной нежностью. И когда она опустилась на стул, подошел сзади и поцеловал ее в макушку.

Лариса так сильно вздрогнула, что подпрыгнула сахарница на столе.

– Трагически погиб твой дядя, – выпалила Маргарита.

Жидков, пропустивший слова матери мимо ушей, наклонился еще ниже и поцеловал Ларису в шею. Больше всего на свете она боялась щекотки, поэтому неожиданно для окружающих и для себя тоже громко захохотала.

– Боже, – пробормотала Маргарита, схватив салфетку и промокнув сухие глаза. – Над чем тут можно смеяться?!

- Дядя? - До Жидкова наконец-то дошел смысл сообщения, и он плюхнулся на стул, вытаращившись на мать. - Дядя Макар? А что с ним случилось?

- Его прихлопнуло крышкой, - скорбно возвестила Маргарита.

- Какой крышкой? - опешил сын.

- Крышкой сундука. Он отправился на чердак, где стоял сундук со старыми вещами. Полез в него, ну и...

- Что - «ну и»?.. Ты так говоришь, как будто бы людей то и дело прихлопывает крышками!

- Не ори на мать, - вспыхнула Маргарита. - Крышка упала и сломала ему шею. Что тут непонятного?

Жидков несколько секунд молча смотрел в стену, после чего воскликнул:

- Чушь какая-то! Он что, положил шею на бортик?

- Вероятно. По крайней мере милиция считает именно так. Макар что-то рассматривал в сундуке...

- Что?

- Ах, Антон! Вот и я про то же. Тебе надо поехать в Рощицы и все разведать. Что он там рассматривал?

- Почему именно рассматривал? - робко спросила Лариса. - Может быть, хотел достать альбом со старыми фотографиями? Или какую-нибудь книгу...

Маргарита даже не повернула головы. Вероятно, «цыпочки» ее внимания не заслуживали.

- С какой стати я поеду в Рощицы? - искренне изумился Жидков. - У Макара есть сын!

- Пасынок, - сварливо возразила Маргарита.

- Ну, мама! Альберту пятьдесят три года, и пятьдесят из них, если я правильно информирован, его воспитывал Макар.

- Ну и что? - возразила Маргарита. - Моя сестра родила Альберта вовсе не от Макара. Для него он - пасынок!

- Ладно-ладно, - загородился двумя руками Жидков. - У Макара есть пасынок. И жена.

- Вдова.

- Не придирайся, пожалуйста, к словам. Какого черта я поеду в Рощицы?

- Здесь нужен настоящий мужчина, - торжественно заявила Маргарита. - Разве способна моя сестра разобраться в столь волнующем вопросе, как неожиданная смерть мужа? Она вне себя от горя. Альберт, говорят, тоже в глубоком шоке и никого не хочет видеть.

- У Альберта, в свою очередь, тоже есть сын! - распалился Жидков. - Пусть он разбирается с сундуком, отхватившим его дедушке голову. Что может быть логичнее? Он вполне сойдет за настоящего мужчину.

- Я пообещала Фаине, что с сундуком разберешься именно ты.

- О! Мама, ты как всегда. Хочешь, чтобы все было по-твоему.

- В конце концов, я занимаюсь движением капитала, - важно сказала Маргарита. - Освободив таким образом тебя от всех обязанностей.

- Это шантаж.

- Признайся, ты не сможешь спокойно спать, пока не докопаешься до правды.

- Надеешься, что сундук под пытками признается в совершении убийства?

– Там была какая-то записка из вырезанных и наклеенных букв, – неожиданно брякнула Маргарита.

Лариса, все это время сидевшая с плотно сжатыми губами, мгновенно разинула рот.

– Записка? – удивился вместе с ней Жидков, только вслух. – И что в ней было?

– Не знаю. Ее унес Альберт. Еще до приезда милиции. Унес и спрятал, никому не показал.

– Ну вы даете, ребята! Как будто в игрушки играетесь. У Альберта что, крыша слетела? Он утащил улику!

– Вот ты поезжай в Рощицы, – снова завела свое Маргарита, – и все толком выясни.

– Лучше я сразу отправлюсь к Альберту, – решил Жидков. – Завтра утром, идет?

– Ах, делай как знаешь! И вообще... Я дождусь чаю?

Жидков встал и принялся заваривать чай. Маргарита следила за его действиями, постукивая длинными ногтями по столу. В конце концов не выдержала и сказала:

– Мне ужасно хочется знать, что было в той записке. Ты просто обязан это выяснить. Альберт поначалу был так взволнован, что сболтнул о ней. А когда немного очухался, как воды в рот набрал.

– Тебе сладкий? – спросил Жидков у Ларисы.

– Нет, без сахара и без лимона. – Ей очень хотелось высказаться, но она сдерживалась.

– Записка! – все никак не могла успокоиться Маргарита. – Ты когда-нибудь слышал о подобном, Антон?

– Читал в криминальных романах. Письмо, составленное из вырезанных букв! Это так несовременно... Подумай сама: Москва наводнена компьютерами, любой ребенок может распечатать необходимый текст и не оставить следов. Зачем кому-то потребовалось мудрить?

– Чтобы вы испугались, – не выдержала Лариса.

Мать и сын немедленно повернули головы и уставились на нее.

– Ну да! – заторопилась она. – Компьютерная распечатка никого не впечатлит, верно? Так, безликая бумажка. А вот письмо с криво наклеенными буквами, вырезанными из какой-нибудь газеты... Это выглядит зловеще.

– Не знаю, не знаю, – скривила губы Маргарита. – Я лично совсем не испугалась.

– Вы же не видели записку. А вот увидев, испугались бы наверняка.

– Не выдумывайте. Что может быть такого страшного в какой-то писульке?

– Само ее существование доказывает, – заметила Лариса, – что вашего родственника убили.

– Вели ей замолчать! – рассердилась Маргарита, апеллируя к сыну. При этом она раздула ноздри и выпучила глаза, как будто ей не хватало воздуха. – Глупости какие! Кто мог убить Макара и за что? Он прожил семьдесят три года припеваючи. Кроме того, дом в Рощицах был заперт, а замки там – ого-го! Уж после ограбления Макар позаботился о безопасности.

– Его еще и ограбили! – воскликнула Лариса. – Ничего себе. А потом последовала загадочная смерть в запертом доме. Рядом с телом была найдена записка. Однако пасынок погибшего – как бишь его? Альберт? – утащил записку, найденную возле тела. Зачем? Что он хотел скрыть?

– Когда она так говорит, – плаксиво заявила Маргарита, – у меня мурашки бегают по коже.

– Послушай, мышка моя. – Жидков взял Ларисину руку в свои и нежно сжал. – Мамуле не следует нервничать. Если у тебя есть какие-нибудь идеи, ты поделишься ими со мной перед сном.

– Ну и ладно, – сказала Лариса, проклиная себя в душе на чем свет стоит. Мало ей было впутаться в одну историю, так нет же – подавай следующую! – Это просто разговоры, и ничего больше.

– Я расхотела пить! – заявила Маргарита сдавленным голосом и поднялась из-за стола, злобно зыркнув на Ларису. – Зря ты наливал, пропадет.

– Не огорчайся, я сам выпью, – ответил Жидков, который проглотил свой чай раньше всех. – Пойдем, мама, я тебя провожу.

Лариса посмотрела на часы и подумала, что вполне можно начинать операцию усыпления. К сожалению, она забыла спросить Корабельникова, сколько проходит времени, прежде чем таблетка начинает действовать. Что ж, придется выяснять это экспериментальным путем.

Как только мать и сын вышли в прихожую, она метнулась в комнату, схватила свою сумочку и, высыпав пригоршню крохотных таблеток на ладонь, отправила их в карман. На цыпочках добежала до кухни и бросила одну штуку в чашку, не тронутую Маргаритой.

Таблетка начала медленное погружение и, пока шла ко дну, растворилась без остатка. Так что дополнительных усилий не понадобилось. Когда Жидков возвратился, Лариса как ни в чем не бывало сидела на своем стуле.

– Ну, дела! – сказал ее подопечный и с силой потер лоб. – Дядю прихлопнуло, как жука. Неужели крышка сундука такая тяжелая, что может сломать шею?

– Наверное, может. Только вот почему она упала?

– Что-что?

– Ну... Как бы это объяснить... У вас есть какой-нибудь ларец или коробка шахмат, например?

Ни слова не говоря, Жидков вышел и через некоторое время вернулся с большой деревянной шкатулкой.

- Вот, - сказал он. - Держите. Тут у меня всякая ерунда.

- Вы бывали на чердаке? В том самом доме?

- В Рощицах? Естественно. Я видел этот чертов сундук, ему лет сто, и выглядит он отвратительно. Понятия не имею, что у него внутри.

- Меня интересует его местоположение. Где он стоит?

- У стены, - задумчиво сказал Жидков. - Сундук придвинут к ней вплотную.

- Вы хотели выпить чай, - спохватилась Лариса.

- Погодите-погодите. - Жидков отобрал у нее шкатулку и приставил к тому краю стола, который упирался в стену. Поддел крышку пальцем и откинул. - Кажется, я понял. Крышка довольно тяжелая, с чего бы ей свалиться?

- Чай, - напомнила Лариса. - Он остынет.

Жидков не обратил на ее слова никакого внимания. Вместо этого он поднял руку и ладонью стукнул по столу возле шкатулки. Крышка не шевельнулась. Тогда он хлопнул по столу двумя руками.

- Думаете, по чердаку бегал бешеный слон? - сердито спросила Лариса. - Зачем вы устраиваете землетрясение?

- Возможно, Макар что-то доставал из сундука? Тяжелое? Приподнял и уронил обратно? Сундук дрогнул, и крышка упала. Черт возьми, надо поехать и посмотреть.

- Лучше рассказать милиции про записку, - возразила Лариса. - Пусть следователи разбираются. У них опыт и возможности.

– Чтобы я обратился в милицию?! – возмутился Жидков. – Я лучше выколю себе глаз.

– Да что вы, – буркнула Лариса. – Не смейте даже думать. Ваши цыпочки останутся безутешными. Пейте лучше чай.

Жидков схватил чашку и уже поднес ее ко рту, когда в дверь снова позвонили. Он шлепнул ее обратно на блюдце и вздохнул. Лариса тоже вздохнула:

– Вы ведь не приглашали гостей?

– Иногда гости приходят сами собой, – пожал он плечами и отправился в прихожую.

Она вскочила с места и последовала за ним. Любой гость может оказаться курьером – нельзя оставлять с ним Жидкова один на один.

За дверь обнаружилась сногшибательная блондинка в липнущем к телу розовом платье и босоножках со стразами. Косметикой с ее лица можно было запросто раскрасить какой-нибудь гараж во дворе.

– Любимый! – воскликнула блондинка и протянула руки, намереваясь обнять Жидкова от всего сердца.

Он не остановил этот порыв, и Лариса целую минуту наблюдала за тем, как они прижимаются друг к другу. «Ужас, – подумала она. – Что, интересно, делает новая девушка, когда к ее любимому является старая? Визжит и валяется по полу, как вредный ребенок, которому не купили шоколадку?»

Блондинка наконец оторвалась от Жидкова и спросила грудным голосом:

– Кто это, пушистик? Вон там, возле этажерки?

Пушистик повернулся и глазами с поволокой поглядел на Ларису, как будто бы и в самом деле не имел понятия, кто это там стоит.

– А! – воскликнул он наконец весьма легкомысленным тоном. – Это Лара.

- Твоя няня? – ехидно уточнила блондинка, которой и в голову не могло прийти, что существо в строгом костюме и с пучком на голове представляет для нее реальную опасность.

- Ну... – протянул Жидков и, шагнув к Ларисе, шепотом спросил: – Вы не раздумали представляться моей подружкой? Учтите, Мариша – девушка взрывоопасная.

- Думаете, придется сражаться за ваше тело?

- Не исключено.

- Господи.

- О чем это вы шепчетесь? – спросила бдительная Мариша, положив руку Жидкову на плечо. И оглядела Ларису с ног до головы: – Приветик!

- Вы вот что, – ответила та, громко сглотнув. – Уходите обратно!

- Куда это – обратно? – опешила блондинка, наморщив гладко отштукатуренный лобик.

- Откуда пришли! – уже более храбро пояснила Лариса и выставила вперед одну ногу, будто бы собралась идти в штыковую атаку.

Сволочь Жидков смотрел на нее с интересом.

- Ах, вон что! – процедила Мариша сквозь напмаженные губки. Несколько секунд стояла неподвижно, после чего заявила: – Ничего у вас не выйдет.

Оттолкнула Ларису плечом и прошла в кухню. Плюхнулась на стул, где до нее сидела Маргарита, схватила чашку с чуть теплым чаем и залпом выпила. Потом закинула ногу на ногу и заявила:

- Я никуда отсюда не уйду!

Лариса сжала кулаки. Таблетка! Придется изощряться и снова подмешивать снотворное – чертова кукла проглотила его и не поморщилась. Жидков приплелся вслед за ними, молча достал из шкафчика бутылку коньяка, налил себе рюмку и опорожнил ее.

– Мне тоже коньяку, – потребовала Мариша.

– Щас, – отозвался он. – С тобой и трезвой трудно сладить, а уж пьяную я тебя вообще готов прикончить. Ты орешь, как Тарзан, и прыгаешь, как его обезьяна Чита.

– Вам определенно пора уходить, – напомнила о себе Лариса, которая стояла в проходе, вытянув руки по швам.

– Никуда я не пойду!

– У вас что, совсем нет девичьей гордости?!

– Вот именно, – поддакнул Жидков и выпил еще рюмку.

– Чего? – опешила блондинка. – Боже, где ты взял это ископаемое, пушистик?! Это потенциальная старая дева! Посмотри на нее! Она из тех, кто живет под девизом: «Не подари поцелуя без любви!» Сейчас я начну хохотать.

– Не надо, – испугался Жидков. – Я больше люблю, когда у тебя плохое настроение. От твоего смеха в моем организме происходят необратимые изменения.

Мариша открыла рот, чтобы ответить, но тут снова позвонили в дверь.

– О! – сказал Жидков. – Наверное, это вернулась мамочка.

– Неужели? – ехидно спросила Мариша и, спрыгнув со стула, побежала в прихожую, по пути толкнув Ларису бедром.

– А ну-ка, стой! – метнулся за ней хозяин дома. – Не смей подходить к двери. Спроси кто!

Оставшись одна, Лариса подскочила к рюмке, которую Жидков в очередной раз наполнил коньяком, и бросила в нее таблетку снотворного. После чего потрусилась на голоса.

Дверь уже открыли, впустив в квартиру высокую полногрудую шатенку, которая с порога кинулась в бой.

– Какого черта?! – возмущалась она, обжигая пламенным взглядом Маришу. – Что это за модель агентства «Секс по телефону»? Что это за греза школьника в период полового созревания? Котик! Как это понимать?!

Котик потер лоб и сказал неопределенным тоном:

– Нина, милая, не нужно устраивать сцены...

– В квартиру ты не пройдешь! – заявила Мариша, загородив собой проход.

– Нас и так тут слишком много, – пробормотала себе под нос подтянувшаяся к компании Лариса, но шатенка услышала.

– У тебя что, нас трое? – не поверила она. – Котик, как ты мог?!

– Ну, мог, – ответил котик. – Я вас всех очень люблю. Не представляю даже, как можно выбрать.

– Мы сами разберемся, – заявила Нина и протиснулась мимо Мариши, попутно ущипнув ее за руку.

– Ай! – взвыла та и добавила непечатное слово.

Лариса и сама не заметила, как отлетела к стене.

– Полегче! – возмутилась она и бросилась за Ниной в кухню.

– О, выпивка, – оживилась та, увидев коньяк. Подняла рюмку и опрокинула в рот.

– Что вы наделали?! – закричала Лариса, врываясь следом. – Это... Это не для вас стояло!

– Я себе еще налью, – успокоил ее Жидков, который, судя по всему, чувствовал себя вполне комфортно.

И действительно – налил и выпил. «Интересно, сколько ему надо для счастья? – подумала Лариса. – Может, сегодня и снотворное не понадобится? Кстати, неплохо, что обе девицы получили по таблетке – вскоре они почувствуют слабость и сонливость и слиняют».

Не тут-то было. Ни слабости, ни сонливости девицы не испытывали. Они обе устроились за столом капитально и принялись поедать печенье, которое Жидков выставил для своей мамочки. При этом ни на секунду не умолкали, обзывая друг друга ужасными словами и расплевывая вокруг себя крошки.

– Чайку? – предложил «тепленький» хозяин дома, у которого за последние полчаса невероятно поднялось настроение. Взял чайник и принялся неаккуратно разливать по чашкам горячую воду. – Лично я выпью. Надо немножко... встряхнуться. Лара, дорогая, ты будешь чай с женским именем? «Принцесса Нури». – Он рассмеялся и добавил нежно: – А то ты что-то побледнела, моя прелесть.

Блондинка и шатенка немедленно замолчали и во все глаза уставились на Ларису. Она почувствовала себя крокодилком, на которого пристально смотрят любительницы дорогих сумочек.

– Прелесть? – одними губами переспросила Нина и потрясла головой.

Лариса даже обиделась. Она всегда считала, что выглядит элегантно. Конечно, ее одежда не была такой стильной, а косметика такой дорогой, как у них, но чтобы уж так поражаться... И лицо у нее симпатичное. Помаду «Романтик найт», конечно, не пригласят рекламировать, но и встать во второй ряд во время массовой фотосъемки не попросят.

– Отчего бы пушистику и котика не полюбить меня? – спросила она, изо всех сил сдерживая обиду.

- Потому что это невозможно! - откликнулась Нина.

И тут снова позвонили в дверь.

Лариса повернулась к нетрезвому уже Жидкову и свистящим шепотом спросила:

- Вы что, специально все это подстроили?!

- Клянусь! - тоже шепотом ответил он. - Я понятия не имел...

- Зачем вообще вы их пускаете?

- А как же? - удивился он. - Они же мои девушки.

- О боже!

Тем временем обе девушки на всех парах помчались в прихожую.

- Сядьте, - велела Лариса. - Вы напилась. Сейчас свалитесь и что-нибудь себе сломаете.

- Алкоголь действует на меня странно, - признался Жидков. - Я становлюсь таким заводным!

- Ну да, - не поверила Лариса. - И не заваливаетесь неожиданно спать?

- Спать? Какие глупости. Теперь я буду до утра бодрым.

В прихожей хлопнула дверь, и послышалась какая-то возня, перемежаемая короткими вскриками.

- Это может плохо кончиться, - предупредила Лариса. - Вижу, вы сильно нравитесь женщинам. Вероятно, пришла еще одна.

- Арина, - хлопнул себя по ляжкам Жидков. - Зуб даю - Арина!

- Почему их всех принесло сюда именно сегодня? Да еще всех сразу?!

- Наверное, они что-то такое почувствовали...

Действительно, это была Арина. Проклятый ловелас потрусил в прихожую, и через минуту оттуда донесся его голос:

- Девочки, девочки! Оставьте в покое Ариныны волосы!

Ему вторил женский визг: «Ай-ай!» Судя по всему, началось рукоприкладство. Лариса некоторое время смотрела на полупустую бутылку спиртного, потом достала из кармана две таблетки снотворного и бросила внутрь. Жидков наверняка прикончит коньяк, раз уж начал. Она отлично знала мужчин. Остановиться не может практически ни один. Если не считать язвенников, конечно. Жидков определенно не был похож на язвенника.

Прошла еще минута, и в кухне появился новый персонаж – разлохмаченная Арина с красными щеками. На ней были кожаные брюки и почти ничего не скрывавшая маечка. Жидков лично сопровождал ее к столу, ограждая растопыренными руками от возбужденных Нины и Мариши.

- Девочки! – увещевал он. – Вы напрасно ссоритесь, каждая из вас нравится мне по-своему. Вот, выпейте...

И он показал рукой на бутылку коньяка, сдобренную снотворным.

- Ты уже облизывал горлышко, – попыталась пресечь его доброту Лариса. – Допивай сам, зачем другим предлагать?

- А я хочу выпить! – агрессивно заявила Арина и схватила бутылку.

- Вот тебе посудина, – Жидков торжественно вручил ей чайную чашку, Арина налила в нее коньяка и отхлебнула, заявив:

- Могу пить, сколько захочу! Я приехала на машине с шофером. После того как со мной заключила контракт известная косметическая фирма, сразу отпало столько жизненных проблем!

- Так ты скоро станешь знаменитостью? – заинтересовался Жидков и пьяно ухмыльнулся.

- Да я уже стала, – похвалилась Арина.

Нина и Мариша посмотрели на нее с отвращением. И тут в комнате запиликал мобильный телефон. Лариса, топтавшаяся на пороге кухни, тотчас бросилась на зов и достала его из сумочки. Звонила начальница.

- Это я! – заговорщическим тоном сообщила она. – Ну, что тебе там поручили?

- Опекать одного типа. Ему принесут посылку, которую я должна забрать.

- А он отдаст?

- Понятия не имею. А у тебя как дела?

- Я все уладила, Лара! Пристроила ирландца! Ну... почти пристроила.

- Что значит – почти?

Лариса говорила вполголоса – ей не хотелось, чтобы на кухне слышали разговор. Впрочем, девицам было явно не до нее – они затеяли перепалку и теперь орали друг на друга. Возможно, чинная Лариса в строгом костюме являлась неким сдерживающим фактором. Но стоило ей уйти, как разгорелась настоящая свара.

- Почти – значит почти, – отрезала Тамара. – Распланировали так. Сейчас я сама еду в аэропорт и встречаю там Джеймса.

- Его зовут Джеймс? – переспросила Лариса, почувствовав, что в горле образовался комок. Боже, как она любила сейчас этого профессора! Как хотела окружить его заботой и вниманием! Как мечтала вернуться в собственную уютную жизнь...

- Джеймс О'Нейл, – подтвердила Тамара. – Лара, я просто ненавижу тебя за то, что ты с нами сделала – со мной и с профессором.

- Я сама себя ненавижу, - призналась она.

Из кухни тем временем начали доноситься подозрительные звуки - хлопали какие-то дверцы, кто-то истерически смеялся, а кто-то тонко выл, словно маленькая собачка. Лариса на цыпочках подбежала к двери и заглянула внутрь.

Картина, которая предстала перед ней, напоминала сцену в театре абсурда. Жидков почему-то лежал на столе, поджав ноги, словно кот, которого схватили за шкурку, а растрепанные девицы его валтузили, рыча и повизгивая. Вероятно, сначала они ругались друг с другом, но потом все-таки сообразили, где корень всех зол, и совместными усилиями решили его выкорчевать.

- Что у тебя там такое? - спросила Тамара, которая услышала шум борьбы.

- Драка, не обращай внимания.

- Не обращать? Ладно, тогда пойдем дальше. Итак, я встречаю Джеймса в аэропорту и везу его в гостиницу, кормлю ужином и укладываю спать. Завтра утром им занимаюсь тоже я - транспортирую на встречу с профессором Тубриковым. И уже только вечером передаю его Леночке Ивашкиной.

- Леночка согласилась перенести отпуск? - ахнула Лариса.

- Согласилась. Но с одним условием. К ней приехал двоюродный дядька - подлечиться в столичной клинике, за ним нужно последить один день. Тебе придется взять его на себя.

- Но я не могу!

- Я тоже не могу, - отрезала Тамара. - Но куда-то же надо деть этого дядьку! Он, видишь ли, должен находиться под присмотром.

- Он что, лежащий?

- Да нет, ходячий. Его фамилия Шубин, я его видела. Веришь, я и сама толком не поняла, в чем там дело. На вид - здоровый мужик. Не знаю, почему за ним нужно

наблюдать. Так на чем мы остановились? Да! Завтра в середине дня ирландец останется бесхозным. Утро на мне, а Леночка заберет его вечером, как только отвезет ребенка к бабушке. А вот днем – пролет, никого. И вот что я решила. Ты пойдешь обедать в ресторан. Соберешь всех в одну большую кучу и пойдешь.

– В какую кучу? – растерялась Лариса. – Какая это куча пойдет в ресторан?

– Вы все вместе пойдете – ты, Джеймс О’Нейл и Леночкин двоюродный дядька. Джеймса и дядьку доставят в ресторан на такси ровно в пятнадцать ноль-ноль. Ну и, раз такое дело, прихватишь с собой того типа, которого ты опекаешь. Твоя задача – продержат всю компанию в ресторане до шести. А в шесть появится Леночка и сама возьмется за профессора. Ну как? Ты согласна?

– Похоже, у меня нет выбора. Ой, подожди минутку, тут что-то происходит.

Лариса снова подбежала к кухонной двери. Жидков уже не лежал на столе, а стоял в угрожающей позе возле холодильника – наклонившись вперед всем корпусом. В руке у него был тяжелый ребристый графин.

– Я убью вас всех к чертовой матери! – кричал разъяренный котик и пушистик. – Вы мне надоели! Не желаю вас видеть – ни одну!

Девушки, сбившиеся в разноцветную кучу, жались к электроплите, тихонько повизгивая.

– Ресторан называется «Веселая матрешка», – продолжала вещать Тамара. – Находится на проспекте Мира. Там все в русском стиле, О’Нейлу должно понравиться. А вот Шубин – это Леночкин дядька, если ты забыла! – после ресторана останется с тобой, Лара. На одну ночь, только на одну ночь! Подумай пока, как это устроить.

– Подумаю, – ответила Лариса слабым голосом.

Не успела она спрятать телефон в сумочку, как раздался звонок в дверь. Поскольку никто не поторопился открыть, а звонок все надрывался, Лариса отправилась в прихожую сама.

- Не-на-ви-жу! - донесся до нее нетвердый голос Жидкова.

Было непонятно, почему объекты этой ненависти продолжают торчать на кухне. На их месте Лариса уже давно бежала бы сломя голову.

- Кто там? - спросила она и одновременно заглянула в «глазок» с тайной надеждой, что на лестничной площадке стоит маленькая изящная японка в белых носочках, с идеальным пробором в волосах и держит под мышкой пакет, перевязанный розовой ленточкой.

Надежды оказались напрасными. Перед дверью топтался пугающе тощий мужчина в спортивных штанах, подтянутых к самому горлу, и заправленной в них футболке. На костлявых ногах у него были синие массажные тапки. Образ дистрофика и доходяги дополняли квадратные очки в толстой «черепаховой» оправе.

- Видите ли, я сосед, - сообщил он, интеллигентно покашляв в кулак. - Я, конечно, понимаю - вечеринка, но нельзя же... совсем распускаться. Мы же люди, а не животные! Я смотрел телевизор, и тут... Все же слышно! Такие слова - уши вянут. Нельзя ли как-нибудь попросить Антона Никифоровича перестать выражаться?

Лариса немедленно распахнула дверь пошире и сделала широкий жест рукой:

- Пойдите и попросите его сами!

- Меня зовут Петя, а вас? - спросил очкарик, робко переступив порог.

- Сейчас не время любезничать, - отрезала Лариса. - Ступайте на кухню и попытайтесь урезонить Антона Никифоровича.

- А он что - не в себе?

- Слегка. Совсем чуточку, - успокоила его Лариса, зашла сзади и подтолкнула в спину.

Петя пронесся по коридору и влетел в кухню. Она тоже решила туда заглянуть, но тут снова зазвонил ее мобильный телефон.

- Да! - отозвалась она, подумав, что начальница вспомнила что-нибудь чрезвычайно важное.

Однако это оказалась не начальница, а Ларисина мать.

- Привет, мам! - сказала Лариса, изо всех сил стараясь сдержать эмоции.

- Ларисхен! - воскликнула та задорным голосом. - Какие у тебя на завтра планы?

Этот вопрос мог означать только одно - мать наметила серьезное мероприятие и уже поставила галочку напротив ее имени.

- Работаю, - быстро ответила она. - У меня профессор из Ирландии. - И для правдоподобия добавила: - Джеймс О'Нейл. А что?

- Ну... Ты же с ним не весь день занята, правда? Хочу пригласить тебя на ужин.

- Нет, мам! - взмолилась Лариса. - Я не могу! Никак не могу. Профессор у меня сложный, круглосуточный.

- Ты что, баюкаешь его на ночь? - В голосе матери появилось раздражение.

Так бывало всегда - она находилась в хорошем расположении духа ровно до тех пор, пока все шло, как она задумала.

- Mam, я правда не могу!

- В кои-то веки я решила проявить о тебе заботу, и вот - ты отказываешь мне наотрез.

- Какую заботу? Ты решила напечь для меня блинов?

– Нет, все гораздо серьезнее, Ларисхен. Помнишь мою подругу Ирину Зайцеву? Ту самую, что была замужем четыре раза и прошлым летом летала на Борнео? Так вот – у нее есть сын Костя. Потрясающе умный! Кандидат наук. Работает в каком-то проектном институте, пишет научные статьи. Его даже приглашали в американский университет читать лекции. – Она с трудом перевела дух и нелогично закончила: – К тому же он высокий.

– Ты что, решила меня сосватать? – догадалась Лариса. – Свести с сыном твоей ужасной Зайцевой? Да-да, она ужасная, несмотря на то что побывала на Борнео.

– Почему у тебя такой истеричный голос? – перебила ее мать. – Я знаю почему. Ты одинока, раздавлена жизнью...

– Я не раздавлена. Я на коне, мама!

– Не выдумывай. За контору переводчиков нельзя выйти замуж. Только неполноценные женщины ставят карьеру впереди семьи.

– Несусветная глупость.

– Конечно, что ты еще можешь сказать? Остается лишь отрицать очевидное!

И она бросила трубку. Лариса поежилась. Поддерживать родственные отношения – тяжелая работа.

Спрятала телефон в сумочку и прислушалась. В кухне вяло переругивались. Идти туда категорически не хотелось. Она огляделась по сторонам и только тут заметила, как красиво обставлена комната. Диван выглядел роскошно – большой, уютный, с двумя туго набитыми подушками. Она стащила с него плед, завернулась и прилегла, поджав под себя ноги. Ровно через минуту глаза ее закрылись, а губы сладко чмокнули.

Ей приснился потрясающий сон – холмы Коннемары, и она на белой лошади скачет по зеленой траве. Рядом с ней молодой и полный сил профессор О'Нейл с рыжими бакенбардами. Глаза у него голубые, как Ирландское море.

– Послушайте, дорогой агент! – вклинился в этот прекрасный сон голос, исполненный потустороннего ужаса. – Проснитесь, пожалуйста. Пожалуйста!

Лариса резко села и увидела прямо перед своим носом физиономию Жидкова. Ночь была в самом разгаре – в окне, похожем на аквариум с черной водой, плавал меланхоличный месяц. Его серебряный свет стекал с подоконника на паркет, едва освещая комнату.

– Дорогой агент, – горячечным шепотом повторил Жидков и показал пальцем себе за спину. – У нас в квартире все умерли.

Лариса свесила ноги с дивана, протянула руку и включила торшер. Зажмурила глаза, потом открыла их и потрясла головой. Жидков выглядел ужасно. Голова втянута в плечи, а в опухших глазках мечется страх, словно летучая мышь, попавшая в кладовку.

– Там, – повторил Жидков, дернув небритым подбородком. – Ужасно страшное...

– Где страшное? Что?

– Вся кухня в трупах! – Жидков заговорил тонюсеньким голоском и сцепил руки в замочек перед грудью, словно собирался петь арию. – Они валяются повсюду!

– Не выдумывайте, – одернула его Лариса и, кряхтя, поднялась на ноги. В ее голове, словно клочья тумана, висели обрывки сна, поэтому она никак не могла сосредоточиться.

Однако на кухню все-таки пошла.

– Не включайте свет! – закричал позади нее Жидков, и голос его сорвался с таким визгом, как будто сломалась вгрызшаяся в дерево электропила.

– Ради всего святого, не орите, – пробормотала Лариса и нажала на выключатель. Присела, ахнула и воскликнула: – Боже праведный!

Кухня и в самом деле была усеяна телами. Четырьмя. Все четыре тела крепко спали, разинув рты и запрокинув головы. Ужаснее всего выглядел сосед Петя в

сползших на подбородок очках. Вероятно, его угощали коньяком из той самой бутылки, в которую Лариса подсыпала снотворное. Петины веки были приподняты, а из-под них глядели в неопределенном направлении остекленевшие глаза. Девицы расположились много живописнее. Только одна чудом удержалась на стуле, две остальные валялись на полу в художественных позах. Никто не храпел, не сопел, все дышали тихо, поэтому в кухне висела зловещая тишина.

Жидков, отважившийся заглянуть через Ларисино плечо, почувствовал страшную слабость и медленно осел на пол, уткнувшись лицом в колени. И протяжно заскулил. Перед его мысленным взором, словно в замедленной съемке, проплывали кошмарные воспоминания. Вот он стоит с графином в руке и кричит: «Убью всех!» Вот он прыгает на соседа Петю и пытается стукнуть его лбом о разделочную доску. Еще он отлично помнил страстное желание крушить все вокруг. Боже, что на него нашло?! Девушки довели его до сумасшествия! Он слетел с катушек и... Задушил их? Заколол чем-нибудь острым? Что он натворил?!

- У-у! - простонал Жидков, не в силах справиться с ужасом, который навалился на него, словно огромный черный медведь. - Что мне дела-а-ать?

- Идти спать, - откликнулась на крик его души Лариса. - И не беспокойтесь вы так - я все улажу.

Она не восприняла всерьез его стоны по поводу трупов. Погасила на кухне свет, схватила своего подопечного под локоть и потянула вверх.

- Идите в спальню и забирайтесь под одеяло. Вот увидите: утром все будет хорошо.

Жидков встал и, шатаясь, поплелся в дальнюю комнату. На него было жалко смотреть, и Лариса добавила:

- Перестаньте трястись, я умею улаживать такие дела. К утру здесь все будет чисто. Только - чур! - за это пообещайте одну вещь. Завтра мне необходимо встретиться с важным человеком в ресторане. Вы поедете со мной, и мы все вместе пообедаем. О'кей?

– О'кей! – ответил Жидков, который, судя по всему, ровным счетом ничего не понял. По его лицу блуждал первобытный страх.

Но Лариса не отставала и заставила его клясться, и он клялся, и плакал, и хлюпал носом, вытирая его рукавом своей белой рубашки. В конце концов добрал до спальни, опустился на кровать и закрыл ладонями лицо.

Лариса тем временем возвратилась на кухню и почесала макушку. Всю эту компанию, конечно, можно привести в чувство, но... Не на улицу же их выгонять ночью? Может быть, перебазировать девиц в квартиру Пети? Нет. В этом случае каждая захочет заглянуть к Жидкову утром и, так сказать, попрощаться. Тогда начнется все сначала.

Тут она вспомнила слова Арины, которая хвасталась, будто приехала сюда на машине с шофером. Конечно, цыпочка могла наврать, просто чтобы привлечь к себе внимание ветреного любовника. Но чем черт не шутит? Она такая хорошенькая... По крайней мере была, покуда не отрубилась. Может, и в самом деле есть машина и шофер? Он развезет всю компанию по домам, и дело с концом.

Она вернулась в комнату, погасила свет и прижалась носом к стеклу. Во дворе стояла чертова пропасть автомобилей, все темные. Придется спускаться вниз, на разведку. Выходить одной ночью на улицу не хотелось, но что поделаешь?

В коридоре на тумбочке Лариса обнаружила ключ от квартиры и, захлопнув дверь, спустилась во двор. Недалеко от подъезда отражал лунный свет новенький «Фольксваген Гольф», въехавший задними колесами в грязь. Шофер спал, откинув спинку сиденья, но проснулся мгновенно, как только Лариса постучала в окно. Он сказал, что да, действительно ждет здесь Арину, которая отправилась к приятелю. А что? Лариса в двух словах объяснила ему задачу, но он только покачал головой:

– Я выехать-то не могу – застрял! Видишь, куда втюхался? Вот если бы из-под задних колес грязь раскидать, тогда – да. Но для этого лопата нужна, а где ее сейчас возьмешь-то?

– Ждите, – сказала Лариса и побежала обратно. – У вас есть лопата? – спросила она Жидкова, засунув голову в спальню.

– Ло-о-о... па-а-а... – Он вскинул голову и посмотрел на нее безумными глазами. Потом проблеял: – Во встроенном шкафу-у... в коридо-о-ре...

Чувствуя себя работником службы спасения, Лариса полезла в шкаф, отыскала там лопату и поскакала с ней вниз. Пока шофер вызволял машину, следовало привести в себя несчастных гостей.

– В конце концов, это обычное снотворное, и не сногшибательная доза, а всего лишь терапевтическая, – бормотала она себе под нос.

Отыскала полотенце, намочила его холодной водой и принялась за Петю. Прежде чем начать хлестать его по щекам этим самым полотенцем, она стащила с его подбородка очки и поправила голову. Потом размахнулась и – хлесть! хлесть! – от всей души врезала по физиономии. От полотенца во все стороны полетели брызги, а Петя вздрогнул и исторг из себя такой душераздирающий стон, от которого у всех котов в подвале многоэтажки встала дыбом шерсть.

Жидков, приоткрывший в этот момент дверь спальни, услышал этот стон, отшатнулся и зажал руками уши. «Кто-то из них еще жив! – пронеслось у него в голове. – И так мучается!» С невероятным проворством он забрался под одеяло и засунул свою многострадальную голову под подушку, чтобы ничего уже больше не слышать и не видеть. Так он и заснул, одурманенный алкоголем и страхом, и проспал до утра, а когда проснулся, долго смотрел в потолок, не в силах отделить сон от яви.

Лариса немножко нервничала по поводу предстоящего обеда, но в целом чувствовала себя довольно неплохо. Даже более того – она гордилась собой. Ей удалось оживить и засунуть в соседнюю квартиру несчастного Петю и безболезненно избавиться от девиц. Грубо разбуженные, они широко зевали и едва соображали, что к чему. Энергичной Ларисе ничего не стоило уговорить их разъехаться по домам. Шофер, явно забавляясь, помог всех по очереди транспортировать до «Фольксвагена» и лихо умчался в ночь, увозя полный автомобиль чужих проблем.

Итак, Лариса сидела в чисто убранной кухне и пила растворимый кофе, заедая его булкой. И тут появился Жидков. У него было лицо Хомы Брута, видевшего ночью Вия. Короткий чуб стоял, как петушиный гребень, а вчерашняя стильная рубашечка напоминала мятую тряпку.

Некоторое время он молча стоял на пороге кухни, глядя в противоположную стену, потом перевел глаза на Ларису и сообщил:

- Это я.

- Доброе утро, - ответила она жизнерадостно. - Видите, я все утрясла, как и обещала. Так что сегодня едем обедать.

- Я только приведу себя в порядок.

- Хотите, я поджарю для вас яичницу? В качестве исключения?

- Нет!

Он зажал рот рукой и убрался в ванную комнату. Лариса уже расставила на полочке свои кремы, и Жидков посмотрел на них с отвращением. С еще большим отвращением он разглядывал себя в зеркале, пока брился. Когда же наконец, влажный и относительно пришедший в себя, вернулся на кухню, первым делом спросил:

- Мы разве собирались где-то обедать?

Почувствовав угрозу своим планам, Лариса немедленно ощетинилась.

- Вы обещали! - воскликнула она, расширив глаза. - Баш, как говорится, на баш. Ведь мы договорились! Я уничтожаю последствия ваших... хм... бесчинств, а вы сопровождаете меня в ресторан на встречу с ирландцем.

- Ирландец... - пробормотал Жидков, решив, что это какая-то кличка и носящий ее человек имеет отношение к преступному миру, к которому, как он полагал, принадлежат также наехавший на него Корабельников и его агентша.

- Так вы согласны?

- Да-да, - потерянно кивнул он. - Раз я обещал...

- Обещали-обещали! – по-детски подтвердила Лариса. – Я закажу такси по телефону. Лучше приехать пораньше, верно?

- Не надо заказывать, у меня есть машина, и я уже протрезвел.

- Неужели? – ехидно спросила Лариса. Потом понизила голос и, наклонившись к нему, спросила: – Вы хоть помните, что случилось ночью?

Щелк, щелк, щелк! Видения были подобны серии стоп-кадров. На них не хотелось задерживаться. Особенно страшной на этих мысленных снимках выглядела кухня, полная неподвижных тел. Разинутые рты, раскинутые руки... Он обвел взором чистый стол, аккуратно расставленные стулья, горку вымытых тарелок и сглотнул.

- Молодец я? – похвалилась Лариса и подмигнула ему.

Когда он был вот такой – растерянный, даже испуганный и совсем не агрессивный, она запросто могла разговаривать с ним, как с приятелем. Не то что вчера! Вчера он казался опасным, словно акула, хоть и брошенная на палубу, но зубастая и изворотливая.

Она даже сварила для него кофе, но не успел он донести чашку до рта, как зазвонил телефон.

- У вас есть второй аппарат? – азартно спросила Лариса.

- Там, в комнате.

Он вовсе не собирался протестовать, и они одновременно подняли трубки. Из обеих трубок донесся голос Маргариты.

- Сынок, это мама, – заявила она таким энергичным тоном, будто только что приняла холодный душ и растерлась жестким полотенцем.

- Привет, – кисло ответил сынок и откинулся на спинку кресла. – Как дела?

– Все так же, спасибо. У меня вот какое предложение. Что, если я сейчас заеду за тобой и мы вместе отправимся к Альберту? Как ты на это смотришь?

Лариса немедленно выпучила глаза, прикрыла трубку рукой и начала подавать ему знаки, что, мол, нет, ничего не выйдет.

– Ничего не выйдет, – послушно повторил Жидков. – Я сегодня обедаю в ресторане. – И зачем-то добавил: – С ирландцем. Поэтому поехать не могу.

– Ну, хорошо, – помолчав, приняла решение Маргарита. – Если гора не идет к Магомету... Мы оба можем к вам присоединиться. Отличный план! Насядем на Альберта всем скопом, пусть открывает карты! Рассказывает, что там случилось с Макаром на самом деле. Мы, в конце концов, семья, имеем право знать подробности. Верно?

Лариса скроила задумчивую физиономию. Пожалуй, от Маргариты так просто не отвяжешься. Это что же получается? Народу в ресторан набьется немерено. Она сама и Жидков – двое, профессор и двоюродный дядька Леночки – четверо, да плюс к этому – Маргарита с Альбертом – шестеро. Ну... что ж? Маленький банкет. Интересно, кто должен расплачиваться за всех? Неужели она?

– Ладно, – верно оценив выражение ее лица, сказал матери Жидков. – Давай так и сделаем. Ресторан называется...

– «Веселая матрешка», – подсказала Лариса. – Пятнадцать ноль-ноль.

Жидков послушно все повторил и быстренько завершил разговор. Посмотрел Ларисе прямо в глаза и неожиданно спросил:

– Как вам удалось... все это... ночью? Одной?

– Ну... Почему одной? Мне помогали, – неопределенно ответила она, положила ногу на ногу и потянулась.

Жидков содрогнулся. Кто же это, черт побери, на него наехал? Что это за люди? Международная преступная группировка? Хорошо, если им и в самом деле нужна только та дурацкая бумажка, которую Карина тиснула у Броварника. А

если нет, что тогда? Интересно, агентша постоянно будет при нем? И насколько она опытна? В ближайшее время он это проверит. У них с Кариной существовал, конечно, запасной канал связи, но засветить его было не в интересах Жидкова. Автограф Меркьюри! Фу, какая глупость.

Лариса тем временем достала зеркальце, решив подкрасить глаза и припудрить лицо. Ее мать всегда повторяла, что обязанность мужчин – хорошо зарабатывать, а обязанность женщин – хорошо выглядеть. С годами Лариса опротестовала эти постулаты, но привычка приводить себя в порядок с раннего утра осталась.

Сегодня утром ей показалось, что Жидков относится к ней с большим уважением. Сколько она из-за него пережила! Пока откачивала и выпихивала из квартиры девиц и соседа, пока помогала шоферу откопать машину...

– Ах, блин! Кажется, я забыла на улице лопату! – подпрыгнула она, едва не уронив пудреницу.

– Ничего-ничего! – Жидков так широко растянул губы в улыбке, словно они у него были резиновые. – Пусть ее.

– Как это – пусть ее? Надо пойти и поискать. Как же вы без лопаты? Мало ли? Вдруг похожая ситуация, а у вас лопаты нет!

Жидков резко побледнел и схватился рукой за горло.

– Знаете, – выдавил он из себя, – я не думаю, что со мной еще раз случится нечто подобное.

– Загад не бывает богат, – нравоучительным тоном ответствовала Лариса.

Если Жидков все десять дней будет таким же милым, как сегодня, она спокойно выполнит эту работу. Спокойно.

...Тамара ненавидела аэропорты, аэродромы, самолеты и вообще все, что связано с авиацией и воздухоплаванием. Ее нелюбовь, широкая, как море, распространялась также на дирижабли, которых, впрочем, она ни разу в жизни не видела, и воздушные шары. Но это не была ненависть трусихи, которая в случае необходимости предпочла бы преодолеть Атлантический океан на надувном матрасе, нежели перелететь на самолете.

Пошлые утешения типа «рожденный ползать летать не может» были не для Тамары. Любовно взращенное и многие годы тщательно культивируемое чувство возникло не спонтанно, а в результате вполне конкретных жизненных обстоятельств. Точнее – ее детство прошло в крохотной квартирке странного на вид кирпичного двухэтажного сооружения, грязно-желтого и вечно пыльного снаружи и внутри. Данную помесь казармы с колхозной конюшней Тамара до пятнадцати девичьих лет называла родным домом, но это было все, что за двадцать лет безупречной службы заработал ее отец, типичный советский офицер без влиятельных покровителей, наглухо застрявший в майорах каких-то тухлых инженерных войск.

Но это было полбеда. Собственно беда вольготно и нагло располагалась по соседству: два больших аэродрома, гражданский и военный, жили своей насыщенной, хлопотливой жизнью, без перерыва на обед напоминая жильцам окрестных домов о том, кто здесь хозяин. Из-за шума люди не разговаривали, а кричали, сильно напрягались, чтобы услышать друг друга, не слышали, злились, орали еще громче, срывая голоса. Помимо этого, на аэродромах что-то падало, взрывалось, долго горело, распространяя на сотни метров вокруг жуткие запахи. Жиденькую завесу секретности местные проныры-сплетницы через день-другой рвали в клочья и с удовольствием обсасывали в очередях и на лавочках вплоть до следующего происшествия.

Рев круглосуточно грохочущей техники, взлетающих и приземляющихся самолетов сводил с ума местных обитателей, которые часто ездили скандалить то к областному, то к воинскому начальству. При этом все понимали, что выхода нет, а путь к избавлению от адовых мук лежит либо через какой-то чудесный обмен, либо через кладбище. О купле-продаже в те годы еще не помышляли, да и неоткуда было бы взять небогатым людям деньги на новое жилье. И продолжали жить в этой приаэродромной резервации годами, десятилетиями, точно ставил кто-то на них безумный эксперимент, а они, как подопытные мышки, не могли покинуть квартиры-клетки.

Своевременно уехав, точнее, сбежав из отчего дома, Тамара сделала очень приличную для бедной провинциалки карьеру. Серьезно помогли не только грудь, достигшая, несмотря на звуковые эффекты, значительных размеров, но и умение держать удар, не падать духом в трудные моменты и – ловить момент, когда удача сама идет в руки. Последнее ей удавалось особенно хорошо, что сама Тамара относила за счет великой женской интуиции. За годы, проведенные в столице, она стала классической бизнесвумен, со всеми плюсами и минусами этого сорта женщин. Но, к собственному изумлению, сквозь годы она пронесла чувство неистребимой ненависти ко всему летающему. Недаром говорят, что эмоции детства – самые сильные.

Ну а упавший ей на голову во время одной презентации рекламный воздушный шар, запущенный чьими-то неумелыми руками, лишь укрепил ее во мнении, что от всего этого необходимо держаться на расстоянии, и чем больше будет это расстояние, тем спокойнее и легче будет у Тамары на сердце и приятнее ее чуткому уху.

Она старалась по возможности не летать (ну, разве что необходимость!) и тем более не участвовать в церемониях типа «встречи-проводы». Тем более что статус позволял перелagать их на плечи подчиненных.

И вот теперь Лариса устроила ей приятный вечерок – как девочке, бегать по залу, с идиотской улыбкой заглядывать в лица незнакомых людей, выискивая в толпе прибывших рыжие бакенбарды и клетчатую кепку. Она почему-то была уверена, что ирландский профессор обязательно рыжий и прилетит в Москву в кепке с помпоном.

Преодолев неизбежные на Ленинградке пробки, они быстро приближались к ненавистному Шереметьево, и Тамара тяжело вздыхала. Шофер, успевающий на скорости 120 каким-то чудом следить и за дорогой, и за своей угрюмой начальницей, откликнулся:

– Тяжелый клиент, Тамара Николаевна?

Не любившая обсуждать с подчиненными свои проблемы, Тамара сухо кивнула и стала демонстративно терзать кнопки мобильного, давая понять, что разговор не состоится. Но водитель, обладавший легким и незлобивым характером, тему продолжил:

– А то давайте я его встречу, а вы пока кофейку?

Мысль неожиданно понравилась Тамаре. Пуркуа па? Не министр, не президент нефтяной компании – филолог какой-то. У нас эти филологи сейчас на своих раздолбанных таратайках доперестроечного периода картошку по рынкам развозят, так что ирландцу и водителя на первых порах хватит. Дальнейшие картины рисовались и вовсе радужными: по дороге в город вполне уместно гостеприимное молчание – не любезностями же с ним обмениваться через спинку сиденья. А там – отель, вежливые расшаркивания и вожделенный свободный вечер.

Сразу повеселев, она тем не менее выдержала пристойную случаю паузу, словно тяжело сомневаясь, и наконец бросила:

– Вы когда-нибудь встречали гостей в аэропорту?

Вопрос был, мягко говоря, странный – водители в конторе мотались к самолетам по несколько раз в неделю, часто без всяких сопровождающих, если речь, разумеется, шла не о VIP-персонах, а о всякой мелкой сошке, командированных и многочисленных родственниках сотрудников. Но таковы были правила игры, и шофер, знавший их не хуже Тамары, твердо сказал:

– Не сомневайтесь, все будет в полном порядке. Вы мне только имя на бумажке напишите и внешность – хотя бы в общем.

– Лариска – сволочь, – тихо прошипела Тамара.

Красивый трафаретик с изящной надписью «Welcome, Mr. O'Neil», столь необходимый именно сейчас, остался у менеджера, с которым Лариса разминулась в аэропорту, и теперь ей придется на листке блокнота или салфетке корябать не желающей писать ручкой ирландскую фамилию.

Пройдя неизбежную процедуру отъема денег, они плавно въехали на территорию аэропорта и удачно припарковались невдалеке от входа.

– Тамара Николаевна, какие-нибудь особые приметы мистера, и я пошел, – заторопился ее добровольный помощник, одной рукой принимая бумажку с

фамилией, а другой придерживая уже приоткрытую дверцу машины.

– Если бы мы знали! – тяжело вздохнула Тамара. – Ирландец, профессор, филолог. Наверное, рыжий, наверное, в очках, наверное, пожилой. Может быть, в чем-то клетчатом или изумрудно-зеленом...

Выдав на-гора эту скудную и не очень вразумительную информацию, она замолчала, предоставив широкое поле деятельности шоферской фантазии. Втайне она надеялась, что судьба-индейка сегодня не будет испытывать ее на прочность вторично: профессор окажется душкой, угодит прямо в гостеприимные объятия встречающей стороны, тихо посапывая, доедет до отеля, где они и расстанутся, довольные друг другом. Вариант, что профессор усядется с ней рядом и начнет наукообразную болтовню, не рассматривался как заведомо невозможный.

Проводив долгим взглядом скрывшуюся за стеклянными дверями широкую шоферскую спину, Тамара разрешила себе немного расслабиться. Откинувшись на кожаные подушки и прикрыв глаза, стала думать о предстоящей через три недели поездке на Сардинию, этот рай миллионеров, куда Тамару любезно пригласил один из его давних обитателей.

...Солнце, золотисто-белый песок, ласковые лазурные волны, синее-синее небо, поют птицы. Тишина, покой, упоение. Здесь лишь они вдвоем, на бескрайнем пляже, перед бескрайним морем... Но вдруг вдали раздается гул, нарастает, становится ближе и ближе, переходит в адский рев... «Что это?» – испуганно вскрикивает Тамара, прижимаясь к любимому. Любимый своей сильной, загорелой рукой хлопает ее по упругой попке и кричит в самое ухо: «Не волнуйся, родная, тут, за пальмовой рощицей, рядом с моим домом, небольшой военный аэродром. Два-три самолета в час, не больше».

Непроизвольно дернувшись и открыв глаза, Тамара поняла, что умудрилась задремать. «Нет, ну приснится же такая гадость, – с отвращением подумала она. – Хотя что может сниться рядом с таким местом?»

Тут же услужливая память напомнила, что Тамара здесь, в общем-то, по делу. Глянув на часы, она занервничала – рейс Дублин – Санкт-Петербург – Москва уже минут 40 как должен был бы благополучно завершиться.

«Может, сбегать на разведку, посмотреть, не стоит ли подстраховать (она не сразу вспомнила, как зовут водителя)... Николая?» – мысль пока отказывалась работать четко, а это Тамару раздражало необычайно.

«Не на разведку мне надо, а кофе выпить. Двойного, черного, без сахара», – бормотала она, выбираясь из машины. Не озаботив себя мыслью о том, что оставляет «Сааб» незапертым, она почти бегом влетела в здание аэровокзала и быстренько заняла место в небольшой очереди страждущих поесть и выпить. Завладев стаканчиком черной пахучей жидкости, которую девушка за прилавком назвала «двойным эспрессо», Тамара плюхнулась на жесткий пластиковый стул и огляделась по сторонам. Кофе, какой бы он ни был, начал свое благотворное воздействие на организм, мысли потекли плавно и в нужном направлении: «Подойти к табло, выяснить, не задерживается ли рейс. Если нет – поискать Николая (имя шофера на сей раз вспомнилось мгновенно). Если его нет – к машине. Не уедут же они без меня, в самом деле».

Привыкшая к решительным действиям, Тамара поднялась со стула и, прицеливаясь стаканчиком с остатками кофе в урну для мусора, стала одновременно разворачиваться в сторону огромного информационного табло. Да так и застыла в позе древнеегипетской скульптуры – откуда-то слева вынырнула, успев развернуться к ней спиной, стройненькая женщина в шляпке, клетчатом костюме, с синей сумкой и зонтом-тростью в руках... Короче говоря, Лариса Куприянова собственной мерзкой персоной и именно в том наряде, который был на ней, когда Тамара провожала ее в отпуск! Она же, черт побери, сама помогала покупать ей этот костюм – клетка в этом году снова вошла в моду.

Первая реакция на появление нерадивой и лживой сотрудницы была негативной и очень эмоциональной. Наврала! Наверное, мужика какого-то встречает. Или провожает. А работу побоку! Любимую начальницу, почти подругу, – в аэропорт, ирландским профессорам на растерзание...

Когда-то в пионерском лагере длинноногую школьницу Тамару заставляли выступать в межотрядных и межлагерных спартакиадах, причем в незрелищных видах типа прыжков в длину и высоту. Особенно преуспела она в прыжках с места, входивших наряду с метанием гранаты и бегом на 60 метров в какое-то сомнительное «пионерское троеборье».

То, что произошло дальше, составило бы гордость и славу Тамариной пионерской юности: с места в два могучих прыжка она преодолела расстояние примерно в полтора десятка метров. Остатки кофе при этом странным образом не выплеснулись на головы убывающим и прибывающим пассажирам. Очутившись непосредственно за спиной Ларисы, Тамара подошла к ней вплотную и задушевым голосом произнесла:

- Отдыхаешь, сволочь?

Шляпка даже не шелохнулась. Тамара, с трудом сдержав желание вылить на нее остатки кофе, почти пропела в брюнетский затылок:

- Лара, мать твою, повернись лицом, когда с тобой разговаривают...

Одновременно Тамарино колено уверенно отметилось в клетчатом тылу.

Женщина развернулась так стремительно, что Тамара отпрыгнула назад и даже несколько в сторону. На нее в упор смотрели холодные и злые глаза незнакомой ей молодой брюнетки. Незнакомка не казалась испуганной, напротив, в ней читалась решимость наказать обидчицу. А судя по ее спортивной фигуре, решимость эта могла быть основана на вполне профессиональных навыках.

Конфликт необходимо было гасить немедленно, и Тамара принялась за дело: произнесла все полагающиеся в таких случаях слова, пустила для убедительности слезу, в общем, через несколько минут неприятный инцидент был исчерпан, женщины, как боксеры после тяжелого раунда, разошлись по своим углам.

Тамара напрямик отправилась к машине, справедливо полагая, что профессор если и прилетел, то уж точно сидит и дремлет в машине под Колиным неусыпным контролем. «Надо же, но ведь так похожи сзади. Правда, Ларка не такая спортивная и жесткая, но все равно... А шмотки? Ну ведь один в один... Вот она – мода!» Она даже не была уверена, чему больше рада – тому, что удалось избежать открытого столкновения, или тому, что Лариске все-таки можно верить. И только одно во всем этом ужасе было позитивно – она лишний раз убедилась: рядом с самолетами ей точно делать нечего, одни неприятности.

...А в те же минуты в здании аэровокзала брюнетка в клетчатом костюме, с синей сумкой и зонтом-тростью как-то очень быстро скрылась в дамском туалете и, закрывшись в кабинке, стала сосредоточенно обдумывать ситуацию. То, что ее с кем-то перепутали и абсолютно по-хамски пытались выяснить отношения, она восприняла не более как досадную помеху, если хотите – курьезное происшествие, которое не влекло для нее ровно никаких последствий.

Но вот то, что вывалила ей в виде оправданий эта лихая баба, насторожило всерьез. Ее не просто перепутали, ее перепутали с женщиной, одетой точь-в-точь как она, до единой детали. А если такая женщина тут уже появлялась, то неизвестно, какие еще сюрпризы могут возникнуть. Да и вообще – случайность ли все произошедшее здесь, или это началась какая-то новая игра с неизвестными участниками и неустановленными правилами?

...Брюнетка в клетчатом думала не более двух минут. Еще трех ей хватило, чтобы выйти из здания и обнаружить свою давешнюю обидчицу, благо та стояла неподвижно у новенького «Сааба», открыв рот и, видимо, о чем-то размышляя.

Глава 3

Восемь лет назад, когда выпускница московской школы № 1274 с углубленным изучением английского и испанского языков Лариса Миронова вяло пыталась решить для себя традиционный вопрос «куда пойти учиться?», ее судьба, совершив стремительный марш-бросок, привела юное дарование в закрытое для простых смертных учебное заведение, где готовят специалистов для выполнения спецопераций в условиях мегаполиса и прилегающих к нему жилых и парковых зон.

Судьбе помог дядя, папин родной брат, про которого родственники шептались, что он – какая-то крупная шишка то ли в ГРУ, то ли на Лубянке. Форму дядя никогда не носил, и, в каком он пребывает звании, никто не знал, но некоторые косвенные признаки – представительская черная машина с номерами, вызывающими уважительно-подобострастную реакцию гаишников, всякие секретари-адъютанты, длительные, по несколько месяцев, командировки за рубеж – явно указывали на фундаментальность и масштабность его положения в мире таинственных «силовых структур».

Заехав проведать родственников аккуратно в самый судьбоносный для Ларисы период, он снисходительно выслушал их интеллигентские сопли-вопли на тему будущего единственной и горячо любимой дочери. Но ставшие уже привычными ее уху названия возможных профессий: дизайнер, политолог, эколог – в присутствии дядюшки звучали как-то жалко и неубедительно. Решительно прервав брата и невестку и ткнув пальцем в сторону племянницы, он бросил:

– Выкладывай!

Ларисин томный монолог на тему «Кабы я была царицей...» дяде не понравился еще больше. Хмурясь, быстро попрощался и обещал подумать и похлопотать, как он выразился, «в одном интересном месте». Дальше все произошло столь стремительно, что Лариса и пикнуть не успела. В «интересном месте» она в течение двух дней прошла тестирование, чем-то похожее на пресловутый единый госэкзамен, собеседование с психологом и написала сочинение на тему «Моя полная биография и генеалогическое древо до пятого колена», причем на русском и английском языках. Затем с ней часа два болтали по-английски два веселых мужичка лет сорока, пытаюсь понять глубину ее познаний. Глубина оказалась порядочной, о чем они ей и сообщили.

В заключение состоялся медосмотр – такой подробный, словно она поступала в отряд космонавтов. Здесь с каким-то странным удовлетворением встретили весть о том, что она с пяти лет занималась фигурным катанием, затем, поняв, что ей не стать даже Еленой Водорезовой, и, видимо, в знак протеста, подалась в экзотику: увлеклась сначала агрессивным карате, а потом переключилась на более миролюбивое и элегантное айкидо.

Оставалась лишь одна неясность – за каким фигом она все это делает и на какую именно профессиональную стезю ее твердой рукой направляет любящий родственник. В «интересном месте» ей туманно намекали на что-то совершенно фантастическое и обещали подробности при собеседовании с высшим руководством. «Деканом или ректором?» – пыталась уточнить дотошная Лариса. «Типа того», – отвечали ей и как-то странно переглядывались.

Собеседование ее едва не доконало. Она надеялась, что речь идет о чем-то, может быть, и секретном, но человеческом – переводчик-синхронист на закрытых мероприятиях, секретарь-референт при членах правительства или высшем командном составе. Но вообразить такое... Крупный седой джентльмен,

которому больше подошел бы серый костюм в полоску и трость, нежели оливковая генеральская форма, – то самое обещанное «высшее руководство» – коротко обрисовал ее перспективы на ближайшие четыре года, отчего Лариса покрылась противным холодным потом.

Стать отечественной Никитой ей совсем не улыбалось, о чем она в резкой форме и сообщила «высшему руководству». Седой джентльмен не удивился и не огорчился, а, набрав на аппарате местной связи короткий номер, что-то буркнул в трубку. Через минуту на пороге возник Ларисин дядя. Его монолог длился минут пятнадцать, заставив Ларису несколько по-иному взглянуть на ситуацию. То, что доверительно поведал ей дядя, меняло дело, и довольно серьезно. Перспективы были действительно головокружительные, и она согласилась.

Естественно, их разговор в присутствии «высшего руководства» был даже большей тайной, чем сам факт ее обучения в этом очень уж специальном заведении.

Произошедшее было столь необычно, тревожно и сурово, что несколько последующих лет ни ближайшие подруги, ни молодые люди, пытавшиеся ухаживать за эффектной черноволосой девочкой, так и не смогли выяснить, какие же науки она изучает и какие знания таятся в ее изящной головке.

А науки в Ларисином учебном заведении были как на подбор специфические, оттого и знания курсанты (обучающихся называли на военный манер) получали весьма и весьма интересные. К двадцати годам Лариса уже свободно болтала на четырех языках (усовершенствовав уже имевшиеся, освоила еще французский и итальянский), уверенно ощущала себя в неженском мире холодного и огнестрельного оружия, метала ножи и прицельно стреляла с обеих рук, могла отстоять честь и достоинство в рукопашной схватке с парой-тройкой профессиональных головорезов и так далее и тому подобное.

Умение выживать, нейтрализовывать, освобождать, проникать в закрытые помещения и беспрепятственно покидать их, вести многочасовые переговоры с психопатами, оказывать себе и окружающим медицинскую помощь постепенно становилось ее профессиональными достоинствами.

Кроме того, ее обучили искусству дорого и модно одеваться, поддерживать светскую беседу на любые темы, танцевать все, от танго до фокстрота. Правда,

умела она и нечто такое, о чем распространяться было совершенно невозможно, а в случае, если бы такая возможность фантастическим образом вдруг и появилась бы, – просто неприятно.

...Заканчивался последний, четвертый год обучения. Постепенно интенсивность занятий стала уменьшаться, а затем они просто сошли на нет: настала пора подготовки к выпускным экзаменам. Дальше – дипломы и распределения. Памятуя тот давний разговор с дядей по поводу своего дальнейшего продвижения, Лариса самым серьезным образом готовилась к преодолению последних рубежей, за которыми маячили блистательные карьерные высоты. И тут случилось непредвиденное.

Преподававший им основы контртеррористической деятельности на территории иностранных государств, нестарый еще и очень толковый специалист, приходивший на занятия в форме капитана первого ранга, неожиданно слег после инсульта, потеряв возможность двигаться и разговаривать. На замену прислали неприятного на вид тридцатилетнего болвана с погонами майора, оказавшегося, как потом выяснилось, сыночком видного «паркетного» генерала, получившего недавно завидную должность в Генштабе.

Сынуля ознаменовал свое появление серией скандалов: он оказался полностью некомпетентен, то есть совершенно не знал предмет, который взялся преподавать, дважды сорвал занятия, один раз приперся на работу пьяный до такой степени, что охрана задержала его прямо на входе. Там он сначала пообещал всех разжаловать и сослать в тундру пасти белых медведей, а потом стал стрелять в воздух из табельного пистолета. После этого его наконец-то решились убрать с глаз подальше, но всемогущее ведомство не смогло ничего сделать – звонки сверху пресекали все попытки.

Почувствовав полную безнаказанность и окончательно обнаглев, он решил отметиться на амурном фронте, выбрав своей жертвой Ларису. Сначала она стоически сносила его ухаживания, отвергая поочередно все предложения посетить кино, театр или ресторан. Постепенно предложения становились все более хамскими, а майор еще и предпринимал действия более агрессивного характера – норовил ущипнуть или шлепнуть Ларису по мягкому месту, причем делал это прямо на занятиях, не стесняясь присутствующих. За это и получил: серию прямых ударов руками в корпус и один – ногой в пах.

Длительная недееспособность Ларисиного обидчика как мужчины стоила ей карьеры – папа поклялся отомстить за пострадавшее чадо и отомстил. Если бы не дядя, случилось бы что-нибудь и похуже, например уголовное дело и тюрьма. А так Ларису лишь перевели в кадровый резерв и попросили «немного посидеть дома», чтобы скандал забылся, – все, включая высшее руководство, были на ее стороне.

Выпускные экзамены она так и не сдала. Сидение дома затянулось, лишь через два года ее обидчиком крупно не повезло – сынуля по пьяному делу насмерть сбил сотрудника автоинспекции, а папашка попался при передаче взятки какому-то милицейскому чину, который уже был в разработке службы собственной безопасности. Но к тому времени, когда ее официально вызвали для продолжения, а точнее – завершения учебы, Лариса поняла, что она просто-напросто охладела к «делу всей жизни», как высокопарно выражался дядя. Теперь радужные перспективы, которые он ей рисовал в свое время, уже не казались ей такими заманчивыми. Но и сидение дома стало невыносимым – все-таки Лариса была человеком деятельным, к тому же надо было реализовывать накопленный потенциал, зря она, что ли, мучилась почти четыре года!

Правда, куда может податься молодая женщина с набором таких специфических знаний и навыков, она даже не представляла. Как всегда и бывает, помог случай – в кафешке на Мясницкой, куда зашла перекусить, она увидела удивительно знакомое лицо, но не сразу сообразила, кто это. Молодой человек, реагируя на пристальный взгляд, повернулся к ней и сразу же разулыбался. Тут Лариса вспомнила – его звали Эдик, они учились два года в одной группе, а потом он неожиданно куда-то исчез. Для «учебного заведения» это было, в общем-то, нормальным явлением. Между собой курсанты говорили, что людей отчисляют за бесперспективность или по состоянию здоровья.

Они по-человечески симпатизировали друг другу, насколько в тех жестких условиях была возможна симпатия и человеческие взаимоотношения. Лариса тогда, помнится, была огорчена длительным отсутствием этого приятного парня и расстроилась, когда поняла, что он больше у них не появится. И вот такая встреча!

Они уселись за один столик, благо были без спутников. Лариса сразу намекнула, что она теперь тоже «вне игры», и Эдик с видимым облегчением сказал: «А вот это хорошо». После чего разговор стал более непринужденным. Он рассказал, из-за чего его отчислили, – двоюродный брат, который, собственно, и

рекомендовал его на учебу, был разоблачен контрразведкой как английский шпион.

- И как же ты после этого? - заинтересовалась Лариса, тоже человек неопределенной судьбы.

- Ты знаешь, я сначала думал, что жизнь кончилась, - так мне нравилась наша учеба. Думал - куда мне теперь с такими навыками и безнадежно испорченной биографией? В бандиты, что ли? А потом огляделся - кругом кипит жизнь, вот и я теперь киплю вместе с ней.

- Слушай, - заинтересовалась Лариса, - а конкретно чем ты занят? Может, покипим вместе, а то я без работы и без спонсоров, родители кормят.

- Знаешь, Лар, не буду интриговать и выпендриваться. В общем, пока без подробностей, я помогаю состоятельным людям решать всякие сложные, в том числе юридические, экономические, социальные проблемы - ну, там, с депутатами, чиновниками, со всякими незаконопослушными гражданами. Но диапазон услуг для клиентов реально гораздо шире. Можем подъехать рыбок или собачек на даче покормить, а можем физическую защиту обеспечить при угрозах или наездах... Ну, как ты понимаешь, сотрудники зарплатой не обижены, да и перспективы роста есть.

- То есть после рыбок доверят птичек покормить, а там и до собачек можно дорасти...

- Зря язвись, - благодушно заметил Эдик, - может, это и твой шанс.

- А что мне сделать нужно, чтобы сказку, которую ты мне поведал, сделать для меня былью? Кстати, ты там главный?

- Да нет, я что-то вроде директора по региональным и международным связям...

- Вот это да! Широко шагаете. Штаны не лопнут?

- Я позвоню нашему генеральному, - не обращая внимания на ее ехидный тон, мужественно продолжал Эдик, - он же - друг моего счастливого детства, в

одной песочнице куличики лепили. Посоветую. Дальше – тебе решать.

– Да я уже решила. Почитай, три года без работы – с ума сойдешь. Звони своему... как его там?

– Зовут, надеюсь, в недалеком будущем нашего общего гендиректора Игорем, фамилия его – Корабельников. Я тебя ему рекомендую, он дает тебе испытательное задание, – Эдик умоляюще вытянул руку вперед, предотвратив готовую сорваться с Ларисыных губ очередную колкость, – серьезное задание, не связанное с дрессировкой хомячков и приемом родов у морских свинок. С Игорем же обговоришь зарплату, социальный пакет и так далее. Я завтра улетаю в Стокгольм, вернусь недели через три. Надеюсь по возвращении пригласить тебя на ужин и услышать рассказ о твоих первых успехах...

– Надеюсь, Эдик. И спасибо тебе за все!

Домой Лариса пришла поздно – гуляла по бульварам, пытаюсь собрать воедино путавшиеся мысли и принять какое-нибудь решение. Уже в первом часу ночи решение было принято – она попробует свои силы на этом странном поприще, только оговорит сферу своих интересов, а именно – работа с людьми, а не с животными. И уж ни в коем случае не ухаживать за больными, стариками и грудными детьми. Пусть уж лучше аферисты, неверные жены или братва.

На следующий день с утра она перезвонила Эдику и сообщила ему о своем решении. Он обрадованно загудел в трубку, но времени было в обрез (его уже ждала машина, везти в аэропорт), и он продиктовал Ларисе служебный и мобильный телефоны Корабельникова.

– Звони сегодня, я уже с ним обо всем договорился, сказал ему, что ты – наша Никита...

– О боже, только не это!

– Я пошутил. Сказал только, что хорошо подготовлена, физически вынослива, наблюдательна – я гарантирую. Где познакомились, не сказал. Да, я думаю, ты ведь тоже не пишешь в анкетах о нашем общем прошлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/galina-kulikova/bryunetka-v-kletku>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)